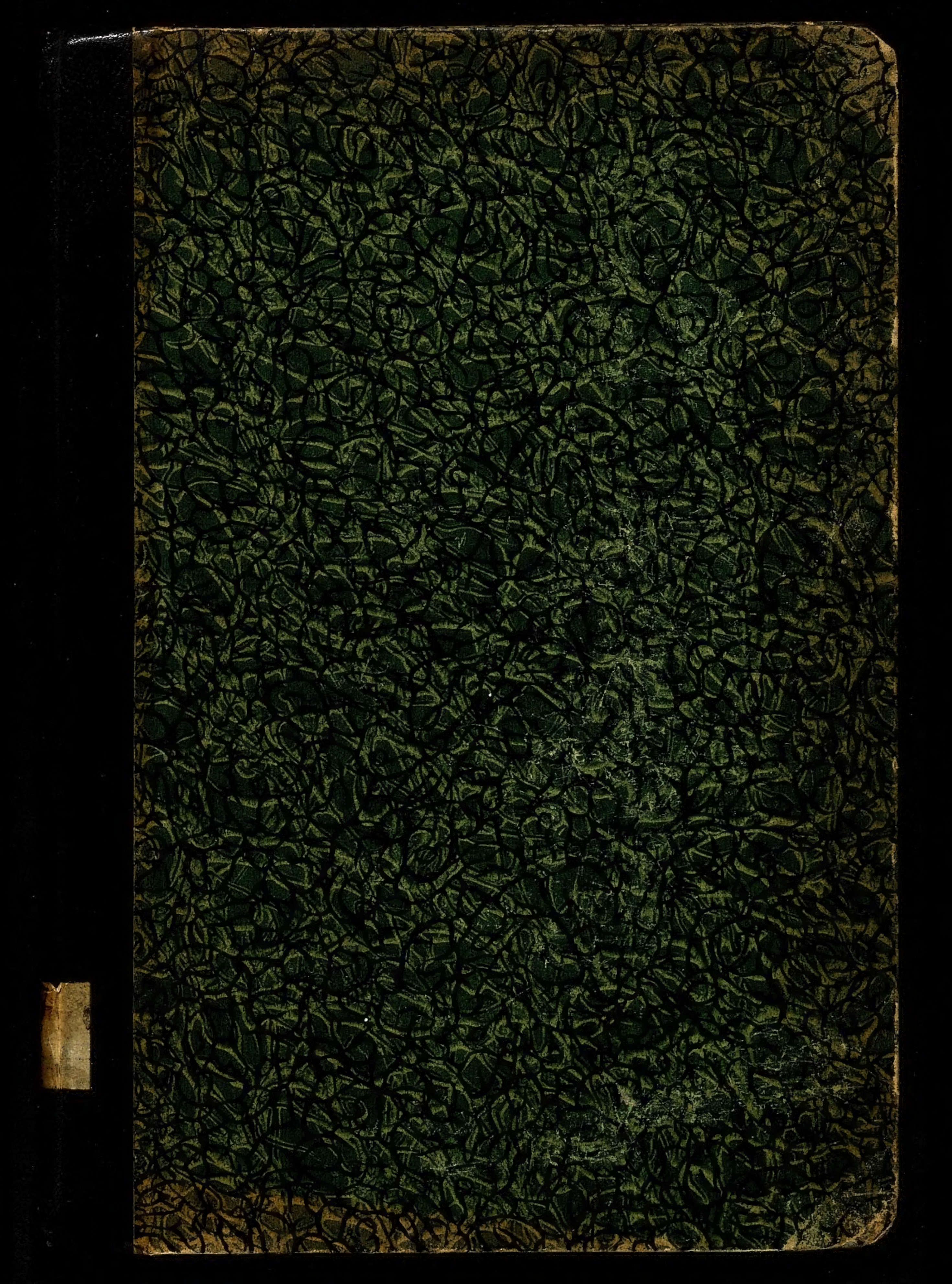

238.

Коротнев

Штинберг

66
1

Л. Г.

Свѣтопечать С. В. Кульженко. Кіевъ.

Ущелье у Адвентъ-Бай.

Л. БРЕЙТФУСЪ.

Поѣздка на Шпицбергенъ.

Кiевъ 1898 г.

ПРЕДИСЛОВIЕ.

Предлагаемый очеркъ является результатомъ поѣздки на Шпицбергенъ лѣтомъ сего 1898 года. Благодаря содѣйствiю Министерства Народнаго Просвѣщенiя, выразившемуся субсидiею въ размѣрѣ двухсотъ рублей, а также и помощи со стороны Университета св. Владимiра, давшаго на тотъ же предметъ триста руб., авторъ этого очерка имѣлъ возможность, предоставивъ эту сумму въ распоряженiе консерватора университетскаго зоологическаго музея Ю. Н. Семенкевича, совершить вмѣстѣ съ нимъ означенную поѣздку. Нами обоими были собираемы на Шпицбергенѣ всевозможныя коллекцiи, какъ зоологическiя, такъ и ботаническiя (эти послѣднiя въ формѣ гербарiя). Кромѣ того привезены и ископаемыя растительнаго царства, въ видѣ отпечатковъ различнаго рода листьевъ, свидѣтельствующихъ о богатой флорѣ, южно-европейскаго характера, встрѣчавшейся прежде на Шпицбергенѣ. Кромѣ того Ю. Н. Семенкевичемъ были самостоятельно собраны значительныя коллекцiи, какъ на Лофоденскихъ островахъ (въ Свольверѣ), такъ и близъ Дронтхейма, въ глубинѣ фiорда того же имени (въ мѣстечкѣ Венесъ).

Собранныя коллекцiи будутъ предметомъ самостоятельнаго и спецiальнаго изслѣдованiя, что же касается до предлагаемаго очерка, то онъ имѣетъ цѣлью познакомить читателя съ характеромъ видѣнныхъ мѣстностей, съ тѣми впечатлѣнiями, которыя явились результатомъ, такъ сказать, непосредственнаго воспрiятiя, а потому и носятъ вполнѣ субъективный характеръ.

ГЛАВА I.

Стокгольмъ. Черезъ Скандинавію. Дронтхеймъ и его порядки. На бортѣ парохода. Фіордъ и его особенности. Торгетонъ. Приближеніе къ Лофоденамъ. Опасныя теченія.

Стокгольмъ—слишкомъ близкій сосѣдъ для того, чтобы на немъ долго останавливаться. Очаровательная бухта, геометрически правильный городъ, чистенькіе скверы, памятники вездѣ и всюду—вотъ особенности, которыя бросаются въ глаза каждому туристу. Запасшись въ конторѣ Беннета (Turisten-reisebureau) билетомъ на Шпицбергенъ, мы на слѣдующій день мчались уже по желѣзной дорогѣ въ Дронтхеймъ, откуда должны были на пароходѣ продолжать путь дальше. Кстати, два слова о билетѣ: благодаря ограниченному количеству желающихъ зябнуть лѣтомъ и подвергать себя всѣмъ непріятностямъ сквернаго морскаго переѣзда, цѣна билета оказывается очень высокою, а именно, отъ Дронтхейма, лежащаго въ Норвегіи на берегу океана, до Шпицбергена и назадъ—480 кронъ съ содержаніемъ на пароходѣ, что составляетъ на наши деньги около 250 руб., такъ какъ крона равняется пятидесяти копейкамъ. Цѣна эта, конечно, немалая, ибо путешествіе пароходомъ продолжается туда пять дней, да столько же назадъ, такимъ образомъ день путешествія обходится въ 25 руб., что превышаетъ вдвое поѣздку по Нилу, которая считается одною изъ дорогихъ. Когда я высказывалъ порицаніе такой эксплоатаціи, приписывая её монополіи Vesteraalen C°, мнѣ шведы возражали очень основательно: „Вы платите не только за себя, но и за тѣхъ, которые не ѣдутъ“. Такъ оно въ дѣйствительности и есть: оказалось, что отъ Гамерфеста до Шпицбергена пароходъ, могущій свободно вмѣстить

человѣкъ 30, везъ только шестерыхъ пассажировъ, что, конечно, не окупало расходовъ предпринимателей [1]).

Поѣздъ съ умѣренной быстротой (на манеръ нашихъ почтовыхъ) тащитъ насъ въ Дронтхеймъ. Оставаясь въ городѣ, трудно знакомиться съ природою страны, не всегда съ точностью отличишь времени года, дорогою же, изъ вагона, улавливаешь, въ сущности, очень многое. Въ сѣверной половинѣ Скандинавіи весна на цѣлый мѣсяцъ отодвинула лѣто: такъ, въ половинѣ нашего іюля жасмины, шиповники и липа въ полномъ расцвѣтѣ, луга испещрены цвѣтами и въ воздухѣ стоитъ сладостный запахъ спѣющей травы и начинающагося лѣта. Сѣнокосъ въ полномъ разгарѣ: сѣно или лежитъ небольшими кучками, или еще чаще нагружено на длинные, подпертые съ обѣихъ сторонъ заборы; мокрое лѣто не даетъ ему иначе высохнуть. Жатва еще не начиналась: рожь и ячмень еще невысоки, а овесъ не вездѣ вymetался, и это въ половинѣ іюля. Въ Скандинавіи августа какъ будто не существуетъ, такъ какъ іюльская погода смѣняется осенью: для сѣвернаго жителя — роскошь имѣть три лѣтнихъ мѣсяца, ему достаточно и двухъ. Въ полуторачасовомъ разстояніи отъ Стокгольма, среди плодородной равнины, раскинулась древняя Упсала. Въ центрѣ города высится чудный, готическій соборъ, въ которомъ, наряду съ царственными останками нѣсколькихъ шведскихъ королей, покоится прахъ великаго Линнея. Въ спокойномъ величіи на чудномъ мраморномъ саркофагѣ, среди своихъ двухъ женъ, лежитъ каменное изваяніе Густава Вазы. Готическіе своды производятъ впечатлѣніе необыкновенной легкости и пропускаютъ массу свѣтовыхъ лучей; душа радуется, какъ будто и въ нее проникаетъ частица окружающаго свѣта. Университетъ раскинулся по всему городу, что не удивительно, такъ какъ онъ обладаетъ огромными средствами, значительная часть которыхъ завѣщана Густавомъ Адольфомъ, оставившимъ Упсальскому университету

[1]) Для насъ, русскихъ, сообщеніе съ Шпицбергеномъ возможно еще и другое, а именно—черезъ Архангельскъ. Еженедѣльно отходитъ изъ Архангельска въ Вардё пароходъ, очень комфортабельный, съ недурнымъ столомъ, который пробѣгаетъ разстояніе между указанными пунктами въ пять дней и корреспондируетъ съ другимъ пароходомъ, идущимъ въ Гамерфестъ: отъ Вардё до Гамерфеста менѣе сутокъ. Далѣе приходится съ „Лофоденомъ“ (пароходомъ, поддерживающимъ сообщеніе съ Шпицбергеномъ) ѣхать дальше. Путь отъ Гамерфеста до Шпицбергена и обратно, съ содержаніемъ, обходится въ 360 кронъ, что, конечно, тоже очень дорого.

все свое состояніе. Обширная Aula, нѣсколько лѣтъ тому назадъ отстроенная, составляетъ лучшее зданіе въ городѣ.

Поѣздъ подвигается не безостановочно, пропуская рѣдкую станцію. Кстати должно замѣтить, что вагоны устроены очень покойно и состоятъ изъ отдѣленій, выходящихъ въ общій корридоръ. Чтó на линіи между Стокгольмомъ и Дронтхеймомъ особенно бросается въ глаза, это—отсутствіе перваго класса, а потому, въ высыпающей изъ вагоновъ публикѣ, нѣтъ такого различія между quasi-аристократіею и плебсомъ, которое поражаетъ у насъ на желѣзныхъ дорогахъ: здѣсь есть достаточные и бѣдные, которые не различаются чванствомъ и не сторонятся другъ отъ друга. На большихъ станціяхъ—ни хаоса, ни толкотни; въ скромномъ, но просторномъ, станціонномъ помѣщеніи двѣ большихъ залы; входъ въ одну стоитъ двѣ, а въ другую—одну крону (для третьяго класса); въ обѣихъ чисто накрытый столъ со множествомъ различнаго рода кушаній и закусокъ. Одно снимается, другое подается здоровыми, крестьянскими дѣвушками тихо и безъ топота. Во всемъ чувствуется простота и здравый смыслъ.

Ѣдемъ дальше. Пейзажъ мало оживленъ: народу въ поляхъ почти не видно; изрѣдка попадаются поселки, состоящіе изъ небольшихъ домиковъ, обязательно окрашенныхъ въ темно-красную краску съ бѣлыми каемочками окошекъ. Шведъ-поселянинъ по характеру добродушенъ, прямъ, но нелюдимъ, а потому большинство домиковъ разбросано по участкамъ и въ рѣдкихъ случаяхъ скучено вмѣстѣ, не образуя улицы, а такъ себѣ: гдѣ-попало. Мѣстами виднѣются церкви бѣлыя, солидныя, поражающія своимъ холодно-казарменнымъ видомъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше лѣсу, и только мѣста, незанятыя лѣсомъ, засѣяны. Лѣсъ хотя и высокій, но жидкій, заваленъ камнями, не отшлифованными, а осколками подпочвенной породы. Чѣмъ дальше, тѣмъ лѣсъ чахлѣе, тѣмъ бѣднѣе почва, которая принимаетъ болотистый характеръ. Сквозь деревья мелькаетъ вода, образующая иногда значительные водоемы, напоминающіе скорѣе наши паводки, чѣмъ озера.

Наступаетъ совсѣмъ свѣтлая петербургская ночь, какой-то бѣлесоватый мракъ одѣваетъ окрестность, которая вслѣдствіе этого принимаетъ еще болѣе унылый характеръ. Къ тому же природа какъ-то тупо молчитъ: когда останавливаешься на станціяхъ и стукъ колесъ умолкаетъ, отсутствіе звуковъ подавляетъ васъ. И такъ мелькаютъ десятки верстъ, а картина не мѣняется. Однако вотъ и утро; просыпаюсь и въ окно глядитъ еще бóльшая скука: по болоту разбро-

сана жердеобразная хвоя, ни дать ни взять тѣ византійскія елочки съ симметрично расположенными вѣточками, которыя такъ охотно живописуютъ наши доморощенные декаденты. Кромѣ елочекъ попадаются и хилыя, корявыя березки въ человѣческій ростъ; почва— мшистое болото. Что-то не-то жалкое, не-то идіотски-тупое чувствуется во всей природѣ, которую, какъ живое существо, настолько же жалѣешь, насколько и презираешь [1]).

Но вотъ и граница Швеціи (Стёрлинъ); послѣ добродушнаго объясненія съ таможеннымъ чиновникомъ мы переваливаемъ въ Норвегію. Какъ передать то изумленіе, которое испытываешь отъ быстро перемѣнившейся панорамы: передъ вами разстилается необозримое пространство, въ которомъ чудныя, темно-зеленыя долины испещрены букетами деревьевъ, изрѣзаны множествомъ серебристыхъ рѣчекъ. Всюду поля съ поспѣвающею жатвою разбросаны красивыми золотистыми пятнами. Свѣжее утро, чудный горный воздухъ вливаютъ бодрость въ усталую душу. И паровозъ какъ-то весело пыхтитъ, врѣзаясь крутымъ поворотомъ въ каменную стѣну преграждающихъ путь утесовъ. Далѣе мы двигаемся собственною тяжестью, наслаждаясь постоянною перемѣною пейзажа. Поѣздъ все круче и круче спускается и, слѣдуя вдоль берега пѣнящагося потока, вскорѣ выбѣгаетъ на прибрежную полосу океана. О, это, конечно, не южныя воды: онѣ не поражаютъ густотою красокъ; онѣ, напротивъ, пріятно серебрятся и, если хотите, производятъ болѣе гармоничное впечатлѣніе. Чайки бороздятъ гладкую поверхность и затѣмъ быстрыми движеніями прорѣзываютъ спокойный воздухъ. Красиво и празднично высматриваютъ часто смѣняющіяся станціи; всюду цвѣты—и въ окнахъ, и въ палисадникахъ. Но вотъ и Дронтхеймъ [2]), или Троніемъ, какъ норвежцы его называютъ. Самый сѣверный изъ большихъ городовъ Европы (не

---

[1]) Въ климатическомъ отношеніи эта провинція, населенная уже кочующими лапландцами, напоминаетъ, по словамъ Бедекера, сѣверную Сибирь (устье Лены и Енисея).

[2]) Дронтхеймъ, подобно Упсалѣ для Швеціи, есть колыбель Норвегіи: здѣсь норвежскіе короли вѣнчались на царство. Истиннымъ основателемъ города считается св. Олафъ (1016 году). Впрочемъ городъ началъ процвѣтать только послѣ его смерти; тѣло его было въ соборѣ выставлено въ ракѣ и привлекало огромное количество богомольцевъ, что и положило основаніе богатству города; но затѣмъ Дронтхеймъ былъ жестоко опустошаемъ чумою, гражданскими войнами и, главнымъ образомъ, пожарами. Потомъ, подъ вліяніемъ идей реформаціи, культъ Олафу былъ уничтоженъ и драгоцѣнные останки его были неизвѣстно гдѣ погребены.

считая Архангельска): въ немъ 25,000 жителей. Прямыя и широкія улицы, обстроенныя нарядными деревянными двухъ-этажными домиками съ блестящими зеркальными окнами, за которыми прячется всякая дребедень, служащая приманкою для скучающихъ туристовъ; прекрасный, совершенно европейскій, отель; готическій соборъ, стрóящійся пятую сотню лѣтъ, съ заунывно-гулкими часами; полисмены въ каскахъ прусскаго образца; яркая зелень подстриженныхъ газоновъ — вотъ первыя впечатлѣнія знакомящагося съ городомъ туриста. Холодная сѣверная безстрастность представляетъ собою общій отпечатокъ, но это только днемъ. Стóитъ прекратиться торговому движенію и магазинамъ закрыться для того, чтобы habitus города совсѣмъ перемѣнился: беззастѣнчивая разнузданность широкимъ потокомъ разливается по улицамъ.

Пріѣхавъ въ Дронтхеймъ въ субботу, я только послѣ двухъ часовъ дня сталъ искать спирта (для коллекцій); оказалось, что съ полудня субботы и вплоть до понедѣльника въ городѣ даже пива нельзя достать. Общества трезвости пользуются въ Норвегіи большимъ распространеніемъ; эти послѣднія добились того, что цѣна спирта вдвое больше винограднаго вина (литръ спирта стоитъ $3^1/_2$ кроны, тогда какъ порядочное, виноградное вино можно имѣть за $1^1/_2$ кроны). Нравственныя сентенціи, которыя въ изобиліи преподаются населенію въ формѣ проповѣдей и лекцій, мало помогаютъ дѣлу: алкоголизмъ и количество незаконнорожденныхъ дѣтей въ Норвегіи въ процентномъ отношеніи превосходятъ другія государства континента.

Девять часовъ утра; сѣверная, бодрящая свѣжесть, пронизанная грѣющими, солнечными лучами, разлита въ воздухѣ. На бортѣ, сравнительно, небольшого парохода (Vesteraalen), имѣющаго доставить насъ изъ Дронтхейма въ Гамерфестъ, множество пассажировъ, ѣдущихъ навстрѣчу, очень модному въ настоящее время, полуночному солнцу. „Да неужто все это на Шпицбергенъ?“ — съ ужасомъ думается мнѣ; къ счастію, вскорѣ выясняется, что изо всей массы на Шпицбергенъ направляются только два Тартарена, вооруженные, какъ французы говорятъ, „до зубовъ“ на случай встрѣчи съ бѣлымъ медвѣдемъ, одна дама и какой-то добродушно-скучающій джентльменъ, австріецъ родомъ. Остальная компанія высаживается гдѣ-попало, преимущественно же

на Лофоденскихъ островахъ, которые начинаются, сейчасъ же, за полярнымъ кругомъ.

Дронтхеймъ запрятанъ въ глубинѣ фіорда того же имени; стѣны фіорда представляются каменными громадами, причудливо изрѣзанными и покрытыми темнозеленою хвоею, смягчающею ихъ основной, угрюмый, сѣрый колоритъ. Часа два мы бѣжимъ, не спѣша, по фіорду, а затѣмъ выходимъ въ открытое море, придерживаясь однако берега. Каждые два или три часа пароходъ останавливается у станціи, представляющей собою жалкій поселокъ, состоящій изъ двухъ или трехъ домиковъ, разбросанныхъ среди небольшихъ блѣдно-зеленыхъ пастбищъ въ рамкѣ безплодныхъ скалъ. Станція состоитъ въ большинствѣ случаевъ изъ домика рыбнаго торговца, его складовъ и почтово-телеграфной конторы. Уже болѣе десяти лѣтъ, какъ въ Норвегіи, руководствуясь надобностями рыбаковъ, устроена прибрежная телеграфная линія вдоль всего берега вплоть до Вадзё, небольшого городка, находящагося на востокъ отъ Гамерфеста, недалеко отъ русско-норвежской границы.

По всему норвежскому берегу, начиная съ Дронтхейма, расположено только пять небольшихъ городковъ: Бодо, Тромзё, Гамерфестъ, Вардё и Варзё, не считая еще нѣсколькихъ незначительныхъ поселковъ. Правда, на картѣ встрѣчается цѣлый рядъ названій, обозначенныхъ крупнымъ шрифтомъ, но это только административные или религіозные центры, резиденціи landsmann'а (полицейскаго), или kirkenplads (церковь и жилище пастора), но жители, не считая самого landsmann'а или пастора съ его семьею, здѣсь отсутствуютъ, такъ какъ прихожане или подчиненные здѣсь разсѣяны по всему горизонту на островахъ или берегахъ фіордовъ. Такое одиночество отвѣчаетъ, подобно шведу, также и характеру норвежца, который въ качествѣ колониста ищетъ лѣса и пустыни, и совершенно непонятно славянину; у перваго — индивидуализмъ и независимость, у второго же—инстинктъ ассоціаціи, панибратства и общности.

На фонѣ блѣднаго неба вырисовывается мало-по-малу мрачный куполъ Торгетона,—горы, пронизанной на значительной высотѣ естественною галлереею, чрезъ которую просвѣчиваетъ клочекъ голубаго неба; увидать этотъ клочекъ составляетъ заботу пассажировъ, которымъ капитанъ парохода тутъ же разсказываетъ незамысловатую легенду о томъ, какъ два великана поспорили изъ-за красавицы, которую одинъ изъ нихъ похитилъ, а другой послалъ ему въ догонку стрѣлу, не попавшую въ цѣль и пронизавшую гору. По мѣрѣ того, какъ мы

подвигаемся, одна неожиданность смѣняется другою; такъ, мрачный Торгетонъ быстро уступаетъ свое мѣсто цѣлой цѣпи снѣжныхъ вершинъ, называемыхъ семью сестрами, которыя какъ бы преграждаютъ намъ дальнѣйшій путь.

Начиная отсюда, острова становятся все выше и выше, и пароходъ мѣстами идетъ узкимъ, скалистымъ корридоромъ, поражающимъ своею дикою прелестью и своимъ печально-мрачнымъ характеромъ; этому послѣднему яркій солнечный свѣтъ не гармонируетъ: онъ слишкомъ обезличиваетъ окружающую обстановку. Море отъ такого изобилія свѣта на становится, до иллюзіи, синимъ, какъ на Югѣ, а сохраняетъ свою бѣлесоватость, но за-то контуры скалъ сливаются и темныя пятна береговъ пропадаютъ. Норвежскому пейзажу нуженъ умѣренный свѣтъ, нужны рыхлыя облака, цѣпляющіяся за вершины горъ: скандинавскіе художники это поняли, а потому и избѣгаютъ, на своихъ ландшафтахъ, яркаго освѣщенія. Почти на всемъ пространствѣ Норвегіи береговая линія представляетъ собою гигантскій обрывъ, прерываемый фіордами и покрытый со стороны открытаго моря цѣпью острововъ, которые какъ бы изрѣдка прерываются и даютъ проглянуть въ безбрежную синеву океана; благодаря такой конфигураціи водная пелена фіордовъ представляется всегда невозмутимо-гладкою, отражающею, какъ въ зеркалѣ, причудливыя очертанія, окружающихъ скалъ. Начиная съ Дронтхейма и до Лофоденскихъ острововъ пароходъ все время жмется къ берегу. Хорошо такъ ѣхать днемъ, а въ зимнію, непроглядную ночь, когда приходится пробираться ощупью, „какъ тогда?“— спрашиваемъ мы капитана.

— Дѣло въ томъ, — отвѣчаетъ онъ, — что во всемъ мірѣ нѣтъ такихъ лоцмановъ, какъ наши.

— Позвольте, да у васъ даже береговыхъ огней нѣтъ.

— Намъ они не нужны; намъ помогаетъ сѣверное сіяніе. Да и къ тому же, смѣйтесь, если хотите, мы чувствуемъ приближеніе скалъ. Несмотря на страшно сильное теченіе мѣстами, прибавляетъ онъ, за послѣдній годъ у береговъ Норвегіи не было ни одной аваріи.

Кстати нужно замѣтить, что въ группѣ Лофоденскихъ острововъ замѣчается одно очень оригинальное явленіе, а именно: при отливѣ вóды, находящіяся между островами и материкомъ Норвегіи, не поспѣваютъ за вóдами океана: эти послѣднія отливаютъ сильнѣе, почему и получается значительная разница въ уровнѣ. Во время при-

лива получается обратное явленіе: узкіе промежутки между островами не пропускаютъ всю, нахлынувшую со стороны океана, воду, а потому и уровень между континентомъ и островами становится значительно ниже, чѣмъ въ открытомъ морѣ. Особенно сильно теченіе между островами Москенесъ и Веро и горе неопытнымъ рукамъ, которыя вздумаютъ бороться со всесокрушающей силою потока.

ГЛАВА II.

Полярный кругъ. Гольфстремъ и его вліяніе. Свартизенскій глетчеръ. Бодо. Лофодены и красота этого мѣста. Свольверъ. Стоимость поѣздки. Промыслы въ Лофоденахъ. Треска въ промышленномъ отношеніи; опасность этого промысла. Тромзё; характеръ этого города. Лапландцы. Лингенъ и Финмаркъ.

Но вотъ мы, наконецъ, въ странѣ полуночнаго солнца: утромъ 20-го нашего іюля мы перевалили полярный кругъ (66° 32′ сѣверной широты), мы, слѣдовательно, слишкомъ на два градуса, т.-е. приблизительно на 250 верстъ, сѣвернѣе Архангельска, и что же? ничего полярнаго въ пейзажѣ: солнце такъ же жарко и такъ же лучисто, какъ и прежде. На соотвѣтствующихъ широтахъ во всѣхъ странахъ свѣта море переполнено плавающими льдинами; такъ, на противоположной сторонѣ океана, у восточныхъ береговъ Гренландіи, замѣчается даже не плавающій, а уже вѣчный, материковый ледъ. Своимъ исключительнымъ, напоминающимъ Тироль или Швейцарію, климатомъ Норвегія обязана Гольфстрему; этотъ потокъ грѣтой экваторіальной воды, омывъ западный берегъ Ирландіи и достигнувъ затѣмъ Исландіи, поворачиваетъ направо, стремясь къ берегамъ Норвегіи; здѣсь онъ направляется вдоль береговъ къ сѣверу и, въ окрестностяхъ Нордкапа, раздваивается: одна часть идетъ по направленію къ полюсу и достигаетъ Шпицбергена, другая, придерживаясь сѣверныхъ береговъ Норвегія и Россіи, теряется затѣмъ въ водахъ Ледовитаго океана. Благодаря Гольфстрему, въ предѣлахъ полярнаго круга средняя температура воздуха въ іюнѣ и іюлѣ равняется $+11^{0}$ С., а у Нордкапа $+7^{0}$ слишкомъ. Существованіе Гольфстрема, кромѣ того, явствуетъ изъ многочисленныхъ примѣровъ заноса къ берегамъ Норвегіи различныхъ предметовъ, какъ-то: дерева, осколковъ судовъ и т. п.

Первымъ сюрпризомъ для туриста, переѣзжающаго полярный кругъ, является величественная масса Свартизенскаго глетчера, перваго по величинѣ въ Европѣ; онъ занимаетъ собою колоссальное пространство въ 1,100 квад. километровъ. Между горами растянулось его ледяное туловище, волнистыя лапы котораго свѣсились во всѣ стороны, преимущественно же въ сторону океана, и подобно, когтямъ, спустились отдѣльные ледяные потоки въ голубыя волны. Впрочемъ, лѣтомъ шкура этого страшилища сѣровато-грязнаго цвѣта и импонируетъ своею массою и ничѣмъ больше.

Захвативъ въ Бодо нѣсколькихъ пассажировъ, нашъ „Vesteraalen" подходитъ ко второму сюрпризу, а именно къ Лофоденамъ. Какъ описать красоту этого мѣста! Увы, у туриста не хватитъ словъ, а у живописца красокъ для того, чтобы справиться съ этою непосильною задачею. Еще издали Лофодены представляются цѣпью альпійскихъ горъ, поднимающихся непосредственно изъ морской глубины; чѣмъ ближе, тѣмъ причудливѣе становятся ихъ очертанія: это—какое-то хаотическое нагроможденіе шпилей, башенъ, пиковъ, разграниченныхъ темными ущельями. Необычайно эффектна описываемая картина на огненномъ фонѣ спускающагося къ горизонту солнца. Спѣшу оговориться: въ Лофоденахъ мы уже не застали полуночнаго солнца, оно уже на цѣлый часъ пряталось за горизонтъ, и день смѣнялся оранжевыми сумерками.

Перерѣзавъ наискось Вестфіордъ, нашъ пароходъ прямо идетъ на скалы,—до нихъ остается рукою подать,—и здѣсь смѣлымъ движеніемъ поворачиваетъ въ сторону и среди дикихъ утесовъ передъ нами открывается ярко-зеленая лужайка, на которой разбросана прелестная, альпійская деревушка съ маленькими, но затѣйливыми домиками и чистенькимъ отелемъ, это—Свольверъ, центръ различнаго рода экскурсій по островамъ. Кстати, благосклонный читатель, если у васъ лѣтомъ наберётся мѣсяцъ или полтора свободнаго времени, если вы хотите отдохнуть душою, подышать живительнымъ воздухомъ, полюбоваться величественною сѣверною природою, ступайте въ Лофодены; замѣчу къ тому же, что вы не отстанете отъ вашихъ культурныхъ привычекъ и не израсходуете много денегъ. Добраться до Лофоденскихъ островõвъ стоитъ отъ Петербурга рублей 50, а жизнь тамъ обходится 5—6 кронъ въ день. Добавлю однако, что ѣхать туда нужно спѣшно, а то пройдетъ какихъ-нибудь 5—6 лѣтъ и Лофодены будутъ такъ же на содержаніи всей Европы, какъ теперь Швейцарія.

Лофодены въ экономическомъ отношеніи представляютъ огромную важность для Норвегіи, такъ какъ здѣсь происходитъ ловля трески (Gadus morrhua) [1], рыбы, ради которой не одинъ разъ происходили кровавыя, международныя столкновенія. Въ теченіе, слишкомъ, трехсотъ лѣтъ человѣкъ ежегодно вылавливаетъ отъ 400 до 600 милліоновъ штукъ, что, повидимому, совсѣмъ не вліяетъ на ея численность, такъ непомѣрно велика плодливость этой рыбы.

Съ января и по апрѣль Лофодены привлекаютъ огромное населеніе, приблизительно въ 40,000 человѣкъ, на 8—9 тысячахъ лодокъ. Съ огромнаго района собираются сюда норвежцы, лапландцы, даже шведы, перебираясь съ большою опасностью черезъ горныя цѣпи. И не только со всѣхъ сторонъ притекаютъ мужчины, но женщины и дѣти, и все это населеніе занято рыбнымъ промысломъ. Вслѣдъ за рыбаками являются сотни парусныхъ судовъ и пароходовъ съ рыб-

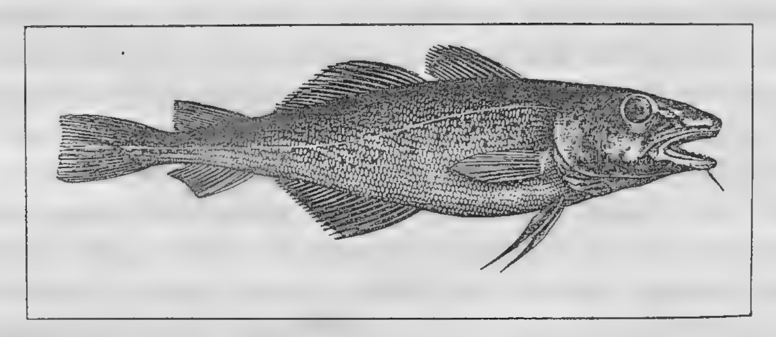

Рис. 1. **Gadus morrhua.**

ными торговцами. Прибывъ на Лофодены, все это населеніе устраивается на рыбныхъ промыслахъ, которые, въ обыкновенное время, представляются пустыми лачугами и заброшенными землянками, во время же лова это—оживленные центры. Кругомъ имѣются склады, лавки и плавучіе шинки. Говорить нечего, что жизнь въ такихъ условіяхъ даже и для привычнаго человѣка представляется крайне тяжелою. Треска обитаетъ въ значительныхъ, морскихъ глубинахъ и только ради метанія икры направляется къ берегу; она показы-

---

[1]) Треска принадлежитъ къ отряду мягкоперыхъ рыбъ (Acanthini) и характеризуется присутствіемъ трехъ спинныхъ и двухъ анальныхъ плавниковъ. У нижней губы тонкій нитевидный выростъ. Длиною треска достигаетъ 4 и даже 5 футовъ, вѣсомъ же она доходитъ до двухъ пудовъ. По сѣрому основному фону разсѣяны желтенькія пятнышки; боковыя линіи бѣлы; свѣтлое брюхо не имѣетъ пятенъ.

вается въ фіордѣ въ началѣ января небольшими стадами; затѣмъ эти стада скучиваются и въ концѣ мѣсяца представляютъ собою сплошную, компактную массу рыбы въ нѣсколько метровъ толщиною. Однако рыбакамъ не всегда удается захватить прибывающую рыбу, такъ какъ, вслѣдствіе холода, треска спускается въ глубину, гдѣ ищетъ температуры, по наблюденіямъ Сарса, не менѣе $+5^{0}$ C.

Для ловли трески рыбаки прибѣгаютъ къ тремъ способамъ: къ простой удочкѣ, къ донной удочкѣ и къ сѣтямъ. Треска голодна и съ такою жадностью брасается на добычу, что идетъ на всякую приманку (на металлическую рыбку). Что касается до донной удочки, то она состоитъ изъ длинной, въ нѣсколько сотъ футовъ, веревки, къ которой приспособлено огромное количество крючковъ,—этотъ способъ ловли наиболѣе предпочтительный, такъ какъ сѣти требуютъ значительнаго количества рукъ. Количество пойманныхъ каждымъ рыбакомъ экземпляровъ достигаетъ въ день 300—400. Пойманная треска или солится, или сушится; рѣшительно всѣ ея части идутъ въ дѣло: голова идетъ или въ пищу скоту, или въ удобреніе; внутренности служатъ приманкою; печень даетъ тресковый жиръ; этотъ послѣдній получается какъ результатъ гніенія печени, сложенной въ кадки; чѣмъ далѣе это гніеніе имѣетъ мѣсто, тѣмъ хуже жиръ и, наконецъ, самый дешевый сортъ получается послѣ варки. Вывозится треска главнымъ образомъ въ Италію, Россію, частью въ Англію и на Востокъ. Во Францію ввозъ норвежской трески очень затруднителенъ, такъ какъ у нея естъ собственная треска, привозимая съ Нью-Фаундленда и Исландіи. Доходъ, доставляемый ловлею трески, варіируетъ между 8—12 милліонами франковъ. Тяжелое и изнурительное занятіе—ловля трески; въ Вестфіордѣ, гдѣ главнымъ образомъ эта ловля и производится, море зимою бываетъ часто ужасно; непогода продолжается иногда по цѣлымъ недѣлямъ; постоянные снѣжные вихри превращаютъ въ темную ночь едва мерцающій свѣтъ полярнаго дня. Рискуя жизнью, выѣзжаютъ рыбаки на своихъ традиціонныхъ ладьяхъ, доставшихся отъ древнихъ викинговъ. Сжатыя съ боковъ и высокія въ носовой части, ладьи эти смѣло рѣжутъ волны, но за-то онѣ очень неустойчивы, и легко перевертываются. Попавшіе въ воду промышленники втыкаютъ, въ дно опрокинувшейся лодки, ножи, за которые и держатся, пока не подоспѣетъ помощь. А сколько при этомъ гибнетъ! Въ 1848 году до пятисотъ человѣкъ погибло въ одинъ день.

Неохотно разстается глазъ съ хаотическимъ безпорядкомъ Лофоденскихъ острововъ, точно изъ царства титановъ, которые безъ разбора нагромоздили горы и утесы, прихотливо изрѣзавъ ихъ мрачными ущельями, попадаешь въ буржуазный салонъ, гдѣ все кокетливо, свѣтло и манерно. Сѣвернѣе Лофоденовъ декорація быстро мѣняется: угрюмая и суровая природа уступаетъ мѣсто идиллическому пейзажу. И материкъ, и прибрежные острова покрыты спѣющими нивами, зелеными пастбищами и купами лиственныхъ деревьевъ; точно спускаешься на югъ, а не поднимаешься къ сѣверу. Горы съ ихъ снѣговыми вершинами и ледниками отступаютъ на третій планъ, образуя чудную рамку быстро смѣняющемуся ландшафту. Такъ плывемъ мы нѣсколько часовъ, но затѣмъ горы снова наступаютъ съ обѣихъ сторонъ, давятъ и образуютъ стремнины, причемъ онѣ очень рѣзко обнаруживаютъ одну удивительную въ геологическомъ отношеніи особенность, а именно—существованіе такъ-называемыхъ береговыхъ террасъ; скалистый берегъ здѣсь, помимо своей изгрызенности, характеризуется присутствіемъ двухъ совершенно правильныхъ, на извѣстной высотѣ, выступовъ, образующихъ, какъ два карниза, двѣ широкихъ дороги, которыя вдаются и снова выбѣгаютъ изъ глубины фіордовъ. Наиболѣе простое объясненіе,—объясненіе, съ которымъ какъ-то сразу мирится наше сознаніе, принадлежитъ старому геологу Леопольду фонъ-Буху. Оно сводится къ вѣковому поднятію въ извѣстной области материка. Сперва материкъ, вслѣдствіе дѣйствія подземныхъ силъ, поднялся изъ лона водъ до первой террасы и на нѣкоторое время остановился въ своемъ движеніи, затѣмъ поднялся до второй, нижней террасы и снова остановился. При этомъ особенно интересно то, что ископаемая фауна обѣихъ террасъ весьма различна: верхняя обнаруживаетъ вліяніе суроваго, а нижняя—умѣреннаго климата; одна принадлежитъ, слѣдовательно, ледниковому, другая же—послѣледниковому періоду [1]. Въ болѣе близкое къ намъ время теорія фонъ-

[1] Согласно изслѣдованіямъ Сарса въ предѣлахъ верхней террасы встрѣчаются формы, по преимуществу свойственныя сѣвернымъ морямъ, какъ-то: Mya truncata, Saxicaba rugosa, Balanus porcatus, Pecten islandicus, Buccinum grönlandicum, Trophon clathratus var. maj., Siphonodentalium vitreum и др. Въ нижней же террасѣ многихъ раковинъ, свойственныхъ верхней террасѣ, уже не попадается или же они замѣняются родственными видами. Такъ, Siphonodentalium vitreum и Joldia arctica совсѣмъ отсутствуютъ, вмѣсто же Buccinum grönlandicum появляется Buc. nudatum, вмѣсто Trophon clat. maj.—Ttophon clat. minor. и т. д

Баха смѣнилась другою, по которой не суша испытываетъ поднятіе и опусканіе, а море то приливаетъ къ берегамъ и повышаетъ свой уровень, то отступаетъ и понижаетъ свою поверхность. Однако въ самое послѣднее время прежняя теорія, благодаря изслѣдованіямъ шведскаго ученаго геолога барона де-Геера, вновь восторжествовала и, кажется, окончательно. Де-Гееръ показалъ, что измѣненіе уровня Скандинавіи, совершившееся въ четвертичную эпоху, точно также, какъ и соотвѣтствующихъ по широтѣ частей Сѣверной Америки, не могли быть объяснены иначе, какъ поднятіемъ материка; ему удалось констатировать, что поднятіе этого послѣдняго совершилось въ предѣлахъ эллипса, продольная ось котораго соединяетъ Христіанію съ Хапарандою (самый сѣверный городъ Швеціи), и происходило въ формѣ какъ бы концентрическихъ волнъ. Въ центрѣ эллипса поднятіе достигло въ среднемъ 180 метровъ, въ окружающихъ же зонахъ (второй и третьей) оно выражается цифрами въ 120 и 60 метровъ. Что же касается наиболѣе южнаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе сѣвернаго пункта Швеціи, то здѣсь поднятіе не превосходитъ 20 и 28 метровъ.

Весьма остроумныя соображенія, по вопросу объ образованіи береговыхъ террасъ, высказалъ извѣстный, вѣнскій геологъ Сюессъ, тщательно экскурсировавшій въ окрестностяхъ Тромзё. Гренландія, покрытая одною огромною ледяною шапкою и представляющая въ данный моментъ вѣрное подобіе того, чѣмъ была Скандинавія подъ конецъ ледниковаго періода, обнаруживаетъ слѣдующее странное явленіе: во многихъ фіордахъ громадныя и не тающія массы льда преграждаютъ ихъ сообщеніе съ моремъ и вслѣдствіе этого получаются скопленія воды въ формѣ озеръ, которыхъ уровень выше морскаго. Затѣмъ, вслѣдствіе таянія льда сообщеніе такихъ бочаговъ съ моремъ возстанавливается и они, или частью, или вполнѣ, выливаются, оставляя послѣ себя береговыя террасы и линіи (Strandlinier), совершенно сходныя съ тѣми, которыя наблюдаются въ Норвегіи. По мнѣнію Сюесса, всѣ береговыя террасы въ окрестностяхъ Тромзё произошли указаннымъ путемъ и не даютъ никакихъ показаній на относительныя измѣненія уровней моря и суши. Само собою разумѣется, что указанная гипотеза въ высшей степени остроумно объясняетъ нахожденіе террасъ въ высокихъ мѣстностяхъ, можетъ быть, даже и въ окрестностяхъ Тромзё, но придавать этому объясненію универсальный характеръ, ни въ какомъ случаѣ, не должно, ибо этою теоріею

только и можно объяснить существованіе береговыхъ террасъ въ глубинѣ фіордовъ, но ни какъ не вдоль береговъ открытаго моря.

Въ то время, какъ мы трактовали объ этой сухой матеріи съ однимъ, пожилымъ геологомъ, случайнымъ компаніономъ изъ Дронтхейма, нашъ „Vesteraalen“ переѣзжалъ Малангенфіордъ, и передъ нами неожиданно обрисовалась скученная масса кирпично-красныхъ построекъ на фонѣ яркой зелени, съ иглообразнымъ шпилемъ готической церкви посрединѣ. Это столица полярной Норвегіи—Тромзё. Множество лодокъ ожидаетъ насъ; однѣ ради дѣла, другія изъ удовольствія; въ составъ послѣднихъ входитъ чуть ли не цѣлая флотилія дамъ; на легкихъ, изящныхъ челнокахъ, по-парно или въ одиночку, молодыя и красивыя своимъ здоровьемъ дѣвушки и городскія дамы проворно снуютъ вокругъ парохода, съ крикомъ и смѣхомъ разбѣгаясь, когда неловкій юнга изъ люка, едва ли не нарочно, выливаетъ цѣлый ушатъ грязной воды. И что удивительно: всѣ другъ друга знаютъ и между пассажирами борта и челноками устанавливаются оживленный говоръ и смѣхъ.

Тромзё очень оживленный, небольшой, впрочемъ, городокъ заключающій не болѣе 6,000 жителей,—городокъ, въ которомъ есть не лишенный интереса естественноисторическій музей. Въ немъ съ увлеченіемъ работаютъ нѣсколько молодыхъ натуралистовъ надъ естественными богатствами этого столь интереснаго края; при музеѣ издается ученый *Ежегодникъ*, въ которомъ археологія и доисторическій бытъ находятъ себѣ мѣсто на-ряду съ изслѣдованіями по біологіи и геологіи края. Въ городѣ издаются три газеты, которыя, судя по тому, что вы даже школьниковъ видите съ газетными листками въ рукахъ, должны читаться на-расхватъ. Повсюду телефоны и электричество. Мѣстная особенность города сказывается въ сплошномъ рядѣ лавокъ и магазиновъ, переполненныхъ мѣхами бѣлыхъ медвѣдей и сѣверныхъ оленей, ихъ рогами и клыками моржей. Каждую весну сотни парусныхъ лодокъ направляются вокругъ Шпицбергена и Новой Земли съ цѣлью охоты за медвѣдемъ, оленемъ, моржемъ и тюленемъ; продукты этой охоты съ жадностью разбираются наивными тартаренами, которые съ каждымъ годомъ все въ большемъ и большемъ числѣ переполняютъ собою страну фіордовъ. Ненасытность этихъ мало-желательныхъ пришельцевъ страшно подняла цѣну, въ особенности на бѣлыхъ медвѣдей, которые здѣсь немногимъ дешевле, чѣмъ на Невскомъ нашей Сѣверной Пальмиры.

Но что особенно приковываетъ вниманіе пріѣзжаго въ Тромзё, это—приземистыя, рѣдко достигающія средняго роста, фигуры лапландцевъ: безобразно-морщинистое лицо, жидкая бородка, косые съ непривѣтливымъ огонькомъ глаза; отталкивающіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ жалкіе люди, точно рахитическія дѣти! Стоитъ вамъ только остановить вниманіе на этихъ жалкихъ фигурахъ, для того чтобы къ вамъ протянулась корявая, точно сукъ, рука съ никуда негоднымъ ножемъ изъ оленьяго рога или мѣховымъ съ пестрыми лоскутками кисетомъ, и пискливый голосъ произнесъ по-норвежски „купи!". И въ этомъ „купи!" сколько жалобной мольбы, которая сказывается и въ фигурѣ, и въ устремленныхъ на васъ глазкахъ, что вы не въ состояніи отказаться. Въ противномъ случаѣ завернутая въ жалкій мѣхъ фигурка бросается въ догонку за вами, забѣгая то справа, то слѣва съ своимъ жалобнымъ „купи!", „купи!", напоминающимъ крикъ отбившейся отъ стаи чайки.

Въ программу туриста входитъ, какъ sine qua non, посѣщеніе, лагеря лапландцевъ, находящагося верстахъ въ трехъ отъ Тромзё и состоящаго изъ нѣсколькихъ шалашай, расположенныхъ среди березовой рощицы. Стадо изъ 200—300 головъ сѣверныхъ оленей загоняется при помощи стаи небольшихъ черныхъ собакъ въ огороженное пространство, ихъ ловятъ арканомъ, сѣдлаютъ, доятъ самокъ [1]). Затѣмъ обитатели жалкихъ лачугъ совершаютъ моленіе, пляшутъ и за эту балаганную пастораль съ назойливостью и значительнымъ нахальствомъ собираютъ съ посѣтителей мзду. Уклонившись отъ этаго пункта программы, мы предпочли погулять нѣсколько въ ближайшихъ окрестностяхъ города. Несмотря на іюль, весна была въ упоительномъ блескѣ; сочная зелень луга, пестрѣющаго цвѣтами, наполняла воздухъ чудною свѣжестью; небольшія березки весело и нарядно охорашивались отъ ласкавшаго ихъ вѣтерка. Солнце пронизывало чащу золотистыми лучами, отражаясь миріадами искръ въ густо выпавшей росѣ; природа манила, старое сердце билось и все индивидуальное отступало предъ ощущеніемъ окружающей красоты.

Между зеленью выглядываютъ кокетливыя виллы—лѣтнія жилища мѣстной рыбной аристократіи, которая предпочитаетъ оставаться

[1]) Доеніе производится только раза два въ недѣлю. Молоко очень густо и жирно и обладаетъ нѣсколько непріятнымъ, острымъ вкусомъ; оно является преимущественною пищею лапландцевъ, употребляясь, обыкновенно, наполовину смѣшаннымъ съ водою.

въ теченіе лѣтнихъ жаровъ (!) внѣ города; хорошимъ тономъ считается имѣть въ окрестностяхъ свою дачу. Лѣто продолжается здѣсь шесть недѣль при температурѣ, которая не превышаетъ +20° С. Зима въ Тромзё не сурова, термометръ рѣдко спускается ниже—15°, но за-то она надоѣдлива своею продолжительностью. Правда, что первый снѣгъ выпадаетъ здѣсь не ранѣе второй половины сентября, но за-то въ іюнѣ бываетъ, что улицы города еще покрыты плотнымъ, снѣжнымъ покровомъ. Бываетъ также, что на Ивана-Купалу лѣтній сезонъ открывается катаньемъ на конькахъ въ окрестностяхъ города; какъ и у насъ, при этомъ зажигаютъ костры, вокругъ которыхъ поютъ и пляшутъ, но не плетутъ вѣнковъ, а отогрѣваютъ у яркаго огня, застывшія руки. Но за-то черезъ двѣ недѣли (въ первой половинѣ іюля) природа въ полномъ блескѣ; трава по поясъ, все цвѣтетъ и благоухаетъ, воздухъ такъ упоительно мягокъ, какъ у насъ едвали когда бываетъ.

Однако вотъ уже и второй звонокъ парохода; норвежскіе пароходы безжалостны: не ждутъ ни одной секунды, и мы спѣшимъ скорѣе на бортъ.

Снова потянулись высокія, сѣрыя скалы; точно солдаты, доверху застегнутые въ тяжелыя, николаевскія шинели, мертвенно-равнодушно глядятъ онѣ на васъ своими бѣлыми, снѣжными пятнами; мѣстами кажется, точно ихъ тяжелый фронтъ вдругъ двинется, и все превратится въ ужасный, жизнь-подавляющій, хаосъ. Тамъ, нѣсколько дальше сѣрыя ихъ массы, впрочемъ, какъ будто разступились. Подходимъ ближе—и дѣйствительно: жизнь взяла свое и сказалась въ ярко-зеленой лужайкѣ, на которой, какъ новый мѣдный пятакъ, чванится своими чистенькими домиками и бѣлою церковью только-что отстроенный поселокъ. И такъ все дальше и дальше. Въ результатѣ впечатлительность притупляется и ужасная досада беретъ оттого, что полнѣйшее равнодушіе овладѣваетъ усталою душою и отнимаетъ всякую возможность любоваться, несомнѣнно величественными, картинами природы. Вотъ пароходъ огибаетъ причудливый мысъ, далеко выдвинувшійся въ море, и мы—у входа въ Лингенфіордъ съ принадлежащею ему амфиладою волнистыхъ горъ. Можетъ быть, или даже навѣрное, это—одно изъ красивѣйшихъ мѣстъ на всемъ пути. Монъ-Бланъ и Юнгфрау, вѣроятно, застыдились бы при видѣ этихъ грандіозныхъ пиковъ, увѣнчанныхъ снѣжными тюрбанами, но душа ваша холодна, мозги уже потеряли способность давать отпечатокъ и вы съ досады

спускаетесь въ дымный фюмуаръ и стараетесь заснуть подъ грубый говоръ вашихъ спутниковъ о томъ, что кита мало, а треска упала въ цѣнѣ. Такъ проходитъ и часъ, и два; вы снова просыпаетесь и опять узнаете, что кита мало, а треска упала въ цѣнѣ и все это съ универсальнымъ припѣвомъ о добромъ старомъ времени.

Тѣмъ временемъ небо нахмурилось, со всѣхъ сторонъ набѣжали клочковатыя облака, цѣпляясь за ушедшіе въ вышину утесы и надвигаясь все ближе и ближе.

Выше Лингена мы встрѣчаемъ уже иную природу, свойственную провинціи Финмаркъ или, собственно говоря, Лапландіи. Повсюду огромныя, какъ бы усѣченныя скалы представляютъ высокое, уходящее за горизонтъ плато, вертикально обрѣзанное со стороны моря. Пустыня и печаль кругомъ; жидкій свѣтъ, небо, задернутое облаками, и рѣзкій воздухъ. Здѣсь въ первый разъ получаешь впечатлѣніе холода и сѣвера, какъ будто сотни верстъ отдѣляютъ отъ Тромзё. Въ его окрестностяхъ страна еще сохранила альпійскій характеръ, который сразу обрывается; здѣсь же сѣверъ, точно легендарная Медуза, смотритъ на васъ полными ужаса глазами, не предвѣщая ничего пріятнаго въ будущемъ.

ГЛАВА III.

Гамерфестъ и его внѣшность. Ледовитый океанъ и его непривѣтливость. Множество птицъ. Медвѣжій Островъ. Киты. Приближеніе къ Шпицбергену. Ейсфіордъ и его глетчеры. Плавающій лёдъ.

Но вотъ и Гамерфестъ, лежащій на небольшомъ островѣ Квало у $70^1/_2{}^0$ сѣверной широты (на 750 верстъ сѣвернѣе Архангельска). Какимъ крохотнымъ онъ кажется не только издали, но даже при самомъ входѣ въ гавань и если бы не значительное количество паровыхъ и парусныхъ судовъ, оживляющихъ общую картину, вы бы его и не замѣтили. Сѣренькій городокъ на сѣромъ фонѣ дикихъ и отвѣсныхъ скалъ производитъ впечатлѣніе, прилѣпившагося ласточкинаго гнѣзда между колоннами большого храма. А вмѣстѣ съ тѣмъ едва ли не трогательно ощущать здѣсь, въ этомъ страшно затерянномъ и отрѣзанномъ отъ остального міра мѣстечкѣ, храбро и сильно бьющійся пульсъ человѣческаго существованія. Кокетливымъ Гамерфестъ уже никакъ нельзя назвать, хотя бы уже потому, что онъ пропитанъ запахомъ, хотя и сушеной, но не совсѣмъ свѣжей рыбы. Да и видъ его некокетливый: рядъ ящиковъ съ большими стеклянными рамами, прислоненными къ стѣнкамъ амфитеатра, образованнаго стѣнами мокрыхъ скалъ — съ одной стороны и плоскимъ берегомъ — съ другой. Вдоль берега изгибается улица, по одну сторону которой—склады на сваяхъ, поднимающихся изъ воды, — склады, въ которые можно прямо съ судовъ выгружать или нагружать товары; по другую — помянутые ящикообразные дома; единственная зелень въ городѣ находится на крышахъ нѣкоторыхъ домовъ, которыя, въ обезпеченіе отъ пожара, жители покрываютъ землею и засѣваютъ травою. Лѣтомъ эти своеобразныя крыши превращаются въ сочныя пастбища, на кото-

рыхъ пасется скотъ, а потому не удивительно, что проходя по улицѣ, вы нерѣдко слышите надъ головою блеяніе и видите козъ или овецъ, грѣющихся у дымящейся, печной трубы.

Нашъ „Vesteraalen" пришелъ въ Гамерфестъ, какъ разъ въ полночь; солнце здѣсь еще не пряталось къ этому времени за горизонтъ, но—увы!—небо было облачно и мы, внѣ себя отъ досады, принялись бродить по городу, но и здѣсь нашему любопытству не къ чему было прицѣпиться [1]). Гамерфестъ погрузился въ глубокій сонъ, двери наглухо закрыты, окна равнодушно таращили на насъ свои стекла, и только пьяные обитатели, которымъ ихъ дражайшія поло-

Рис. 2. **Гамерфестъ.**

вины предоставляютъ обыкновенно протрезвляться на улицахъ, нарушали тишину почнаго дня, непонятными для насъ, норвежскими звуками. Констатировавъ, что въ городѣ есть электрическое освѣще-

[1]) Невольно, впрочемъ, бросалась въ глаза легкость построекъ: стѣны жилыхъ домовъ состоятъ изъ брусьевъ въ 2—3 вершка толщины. При такой легкости не только въ Москвѣ, но и въ Кіевѣ несчастные обитатели не дотянули бы и до января мѣсяца. Обстоятельство это объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ, что зимою температура въ Гамерфестѣ никогда ниже —15° С. не падаетъ, частью же тѣмъ, что въ виду частыхъ пожаровъ (причемъ обыкновенно выгораетъ добрая половина города) солидно строиться не разсчетъ.

ніе и телефонъ, мы сочли за лучшее по крутой и зигзагообразной дорогѣ взобраться на верхъ скалистаго амфитеатра, гдѣ виднѣлся привѣтливый, освѣщенный домикъ, который оказался загороднымъ ресторапомъ. Убѣдившись, что и тутъ веселаго мало, мы рѣшили вернуться на пароходъ, но уже не на „Vesteraalen", такъ какъ онъ далѣе Гамерфеста не идетъ, а на „Lofoten", гораздо меньшій (всего 400 тоннъ, тогда какъ „Vesteraalen" имѣлъ слишкомъ тысячу), которому предоставляется удовольствіе возить досужихъ туристовъ, разъ въ недѣлю, на Шпицбергенъ.

Мы уже нѣсколько часовъ, какъ покинули Гамерфестъ; послѣднія скалы европейскаго континента, которыя своимъ „добро пожаловать" встрѣчаютъ, возвращающееся изъ полярныхъ странъ судно, уже почти скрылись изъ глазъ. Непривѣтливъ, страшенъ и противенъ сегодня Ледовитый океанъ. Низко и стремительно бѣгутъ тяжелыя, какъ свинецъ, облака, такъ низко, что вотъ-вотъ они задѣнутъ шпицы нашего двухмачтоваго судна. Вслѣдъ за облаками устремляются сѣро-грязныя волны; точно лохматые, дикіе звѣри нагло скалятъ онѣ свои бѣлые, пѣнистые зубы, и, насколько хватитъ глазъ, всюду видишь ихъ шершавыя спины,—имъ конца нѣтъ, точно выпущены онѣ какою-нибудь злою мегерою, которая прячется за далекимъ горизонтомъ. Термометръ показываетъ $+6^0$: холодно, жутко и—брр!.. какъ скверно. На палубѣ нехорошо; осторожно, чуть не на однихъ рукахъ, спускаешься по лѣстницѣ, которая уходитъ изъ-подъ ногъ, въ каютъ-компанію, а тамъ и того хуже; судно кряхтитъ, стонетъ и дрожитъ всѣмъ тѣломъ. Противный, свойственный всѣмъ пароходамъ, запахъ наполняетъ воздухъ. Тривіальная роскошь салона (бархатъ и красное дерево) становится омерзительна. „И чортъ понесъ меня на эту проклятую галеру",—мелькаетъ въ головѣ. Едва добираешься до койки и лежишь comme une brute, безъ мысли, чувства и движенія, съ едва мерцающимъ огонькомъ жизни въ душѣ. А тутъ къ вящшей досадѣ, за перегородкою, стуча ножами и вилками, чавкаютъ невозмутимый капитанъ и старшій шипманъ, обводя голубыми, какъ стекло, глазами, злобно прикорнувшихъ по угламъ пассажировъ.

Но такъ какъ всему бываетъ конецъ, то и намъ на слѣдующее утро полегчало: судно перестало дрожать, скрипѣть и забирать въ небесную высь носомъ, и мы, жалкое отребье пассажировъ, боязливо

выбрались на палубу. Дышется легко, ходить по палубѣ съ нѣкоторою предосторожностью можно, но за-то развлеченій никакихъ, если не считать огромнаго множества птицъ, летающихъ, кувыркающихся и стремительно обгоняющихъ наше судно. Главная масса состоитъ изъ чаекъ разныхъ величинъ и опереній, начиная съ бѣлоснѣжныхъ и кончая почти черными; изъ этой сотнеголовой массы рѣзко выдѣляется такъ называемая хищная чайка, или поморникъ (Lestris parasitica), которая выхватываетъ у обыкновенныхъ чаекъ добычу, налетая на нихъ съ необычайною силою. Затѣмъ вотъ истинный представитель полярныхъ морей это—глупышъ (Fulmarus glacialis)—большая птица съ ноздрями, вытянутыми въ формѣ трубочки, птица, которая милліонами гнѣздится тутъ же поблизости, на прибрежныхъ скалахъ Медвѣжьяго острова, составляющаго промежуточный этапъ между континентомъ и Шпицбергеномъ. Мы оставили этотъ этапъ значительно вправо; съ трудомъ можно было разобрать его дикую прелесть, сказывающуюся въ, вертикально подникмающихся изъ моря, утесахъ, увѣнчанныхъ цѣлымъ облакомъ разнородныхъ птицъ. Островъ этотъ открытъ было 400 лѣтъ тому назадъ (въ 1496 году) голландцемъ Барендтомъ; своимъ именемъ онъ обязанъ случайно убитому въ тѣ поры медвѣдю. Въ силу того обстоятельства, что здѣсь сталкиваются два теченія, теплое гольфстрема съ полярнымъ, идущемъ съ восточныхъ, холодныхъ береговъ Шпицбергена, въ воздухѣ получается огромное количество водяныхъ осадковъ, которые обволакиваютъ, какъ густою вуалью, островъ съ его утесами. Въ давнія времена у Медвѣжьяго острова встрѣчалось огромное количество моржей: такъ, въ 1608 году въ нѣсколько часовъ было здѣсь убито промышленниками до 1,000 головъ этого звѣря; теперь же моржъ встрѣчается здѣсь сравнительно рѣдко и въ небольшомъ количествѣ; остались однѣ птицы, но эти—въ несмѣтномъ количествѣ.

Снова безпредѣльная и негостепріимная ширь, снова жуткое и тягостное ожиданіе чего-нибудь новаго. Но этотъ, впрочемъ, разъ ожиданіе не напрасно: вскорѣ послѣ завтрака на палубѣ послышались бѣготня и крики: „en Hval, en Hval!“ (китъ по-норвежски). Стремительно выскакиваемъ на верхъ и въ незначительномъ отдаленіи отъ парохода, въ какихъ-нибудь 50—60 саженяхъ, видимъ два грандіозныхъ (другого выраженія не подберу) чудовища, которыя съ удивительною ловкостью ныряютъ, держась одного направленія съ нашимъ жалкимъ суденышкомъ. Зрѣлище это такъ необыкновенно, что если

Свѣтопечать С. В. Кульженко. Кiевъ.

Полярныя льдины.

бы изъ глубины морской показался самъ Нептунъ съ своею свитою изъ дріадъ и нимфъ, то мое зоологическое вниманіе напряжно было бы никакъ не болѣе. Сперва надъ пѣнящеюся морскою поверхностью выдѣляется, не то фонтанъ, не то столбъ водяной пыли, выпускаемый изъ ноздрей чудовищной головы; затѣмъ показывается эта послѣдняя въ формѣ четырехграннаго чернаго обрубка; быстро скрываясь въ морской пучинѣ, она смѣняется чернымъ чудовищнымъ хребтомъ, и, наконецъ, въ воздухѣ показывается, точно трезубецъ Нептуна, эффектно вырѣзанный хвостъ, причудливыя очертанія котораго описать трудно. Какъ и всегда, предъ нами были самецъ и самка, которые были настолько заняты погонею другъ за другомъ, что не обращали никакого вниманія на насъ, плетущихся за ними черепашьимъ шагомъ. Длина этой пары была значительная, примѣрно 20—25 метровъ, принадлежали они къ породѣ такъ называемыхъ бѣлыхъ китовъ (Weiswal)—Balaenoptera Siboldii. Гораздо большій родичъ ихъ, гренландскій китъ, достигающій 40 метровъ длины, въ окрестностяхъ Шпицбергена долженъ считаться окончательно вымершимъ. Всматриваясь въ морскую поверхность, мы замѣчаемъ въ разныхъ мѣстахъ фонтаны, иначе говоря, мы попали въ цѣлое стадо китовъ,—обстоятельство, которому сильно позавидовалъ бы всякій китопромышленникъ.

Вскорѣ послѣ полуночи слѣдующаго дня, черезъ двое съ чѣмъ-нибудь сутокъ по выходѣ изъ Гамерфеста, впереди насъ на горизонтѣ показалась, какъ-разъ у поверхности воды, ярко блестящая, оранжевая полоска и засверкало нѣчто, имѣющее уже опредѣленный контуръ. О, радость! Это лучь солнца, упавшій на снѣга и льды Шпицбергена. Эта улыбка продолжалась недолго, но и этой любезности, этого встрѣчнаго привѣта было достаточно для того, что-бы вселить въ душу бодрость. Слава Создателю: мы недалеко отъ южной оконечности Шпицбергена (Sud-cap), расположеннаго у $76^{1}/_{2}{}^{0}$ сѣверной широты. Этимъ впрочемъ еще не все сказано, такъ какъ, до конечной цѣли нашей поѣздки (Eisfiord), намъ осталось около десяти часовъ томительнаго ожиданія.

Раннее утро—и мы бѣжимъ уже близко отъ берега. Волненіе улеглось, и море, серебристо-сѣраго цвѣта, слабо отражаетъ блѣдные лучи солнечнаго свѣта, съ трудомъ проникающіе черезъ легкій слой

волнистыхъ облаковъ. Берега все рѣзче и рѣзче обрисовываются и производятъ гнетущее впечатлѣніе; это—сѣро-коричневыя скалы, испещренныя бѣлыми пятнами нетронутаго, дѣвственнаго снѣга. Вершины остроконечныхъ утесовъ насупились и покрылись шапками свинцовыхъ тучъ. Мѣстами замѣчаются въ очертаніяхъ берега значительныя прогалины, чрезъ которыя въ море выдвигаются широкіе каскады ледяныхъ массъ глетчеровъ. Какъ разъ у самой воды эти массы рѣзко обрываются, образуя уступы прозрачно-голубого льда, придающаго нѣкоторую красочность непригляднному и мрачному пейзажу.

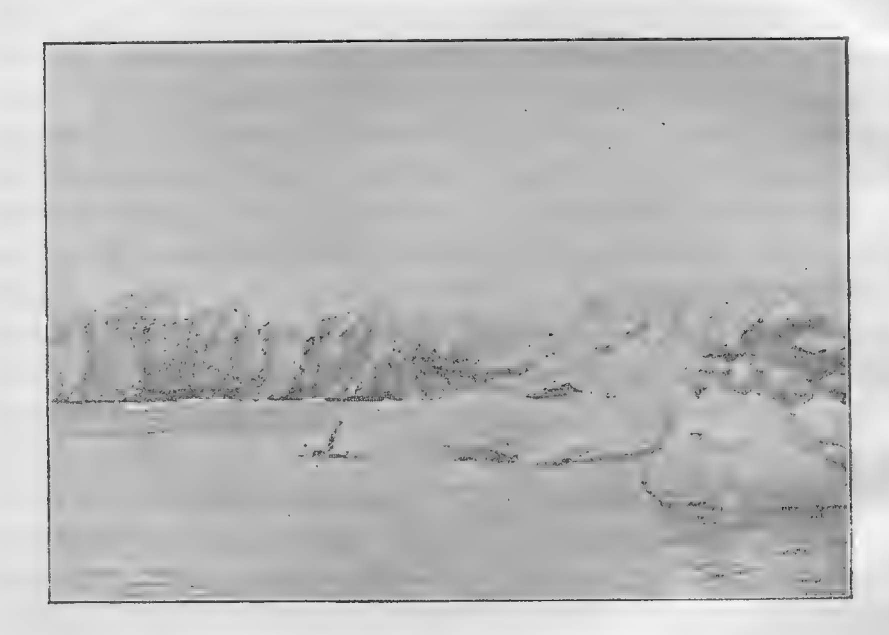

Рис. 3. **Глетчеръ.**

Нашъ пароходикъ круто поворачиваетъ въ наибольшій фіордъ Шпицбергена—въ Eisfiord и проходитъ поблизости одного изъ глетчеровъ. Мы пользуемся этимъ случаемъ, требуемъ себѣ лодку и въ ней стараемся подобраться поближе къ глетчеру. Если издали видъ этой грандіозной ледяной массы поразителенъ, то поблизости онъ едва ли поддается описанію. Отвѣсная свѣтло-бирюзовая, ледяная скала поднимается на нѣсколько десятковъ саженъ изъ моря, образуя въ своей толщѣ множество широкихъ трещинъ и темныхъ пещеръ. Море бушуетъ, ударяя о неприступную твердыню, и представляется покрытымъ на своей поверхности точно изъ бисквита вырѣзанными льдинами различной величины и формы; вотъ точно Лоэнгринъ со своимъ нѣжно-

бѣлымъ лебедемъ; далѣе—ледяной дельфинъ, изрыгающій потоки полупрозрачной массы, а затѣмъ еще какое-то необъяснимое чудовище. А тамъ, вдали, а затѣмъ все ближе и ближе, подплываетъ къ намъ нѣчто еще болѣе странное: на льдинѣ растянулось чье-то черное тѣло; подходимъ совсѣмъ близко: это—тюлень, который повертываетъ въ нашу сторону свою круглую голову и смотритъ на насъ своими умными, человѣческими глазами. Воспользовавшись равнодушіемъ и довѣрчивостью кроткаго животнаго, одинъ изъ тартареновъ выпалилъ и—увы!—черезчуръ удачно: бѣдная жертва какъ-то мгновенно осунулась, распростерла лапы, и горячая струя алой крови брызнула фонтаномъ изъ простреленной головы. Фонтанъ попалъ на ледяной подносъ и просверлилъ въ немъ отверстіе. Торжеству не было конца, и трофеи багромъ были притянуты къ лодкѣ. Впечатлѣніе, производимое окружающею обстановкою, усиливается еще и постояннымъ шумомъ, похожимъ на падающій дождь,—шумомъ, который перемежается съ трескомъ разступающагося льда. Величественно, жутко и, прибавлю, холодно. Отталкиваясь баграми и веслами, отъ наступающихъ на насъ льдинъ, мы, не въ мѣру любопытные туристы, спѣшимъ причалить къ нетерпѣливо пыхтящему пароходу для того, чтобы слѣдовать къ конечной цѣли нашего пути — къ Advent-bay, находящейся въ глубинѣ Ейсфіорда [1]).

Отъѣхавъ отъ глетчера на нѣкоторое разстояніе и взглянувъ на него съ противоположной стороны, я былъ изумленъ не то-чтобы мрачнымъ, а вѣрнѣе,—глубоко печальнымъ характеромъ пейзажа: темныя громады горъ, изрѣзанныя полосами яркаго снѣга съ бѣлою

---

[1]) Въ настоящее время въ Третьяковской галлереѣ, въ Москвѣ, выставлены этюды и значительное по размѣрамъ полотно молодого художника Борисова, отправленнаго на крайній Сѣверъ (главнымъ образомъ на Новую Землю) академіей художествъ. Что касается до этюдовъ, то они имѣютъ скорѣе этнографическій характеръ и своимъ множествомъ (ихъ до 60-ти штукъ) черезчуръ утомляютъ вниманіе. Въ общемъ можно сказать одно: талантливый, конечно, художникъ робко и неохотно приступилъ къ тѣмъ эффектамъ, которые свойственны сѣверной природѣ. Безъ присущихъ ему поразительныхъ эффектовъ Сѣверъ скученъ, сѣръ и холоденъ, а потому писать его такъ, какъ его изобразилъ на своихъ этюдахъ Борисовъ, не стоитъ. Что касается до большого полотна, то оно удивительно вѣрно передаетъ полярное море, усѣянное грозными льдинами; тонъ и освѣщеніе поразительны, хотя и здѣсь проглядываетъ робость художника, боязнь естественнаго въ данномъ случаѣ импрессіонизма. Ничѣмъ инымъ нельзя объяснить выбранный художникомъ моментъ. Почему художникъ предпочелъ сумерки? Почему не изобразилъ море при солнечномъ свѣтѣ или ночью, при полярномъ сіяніи? А все по той же причинѣ

пеленою глетчера посрединѣ, представлялись траурнымъ катафалкомъ, на который, какъ будто, сейчасъ возложатъ чье-то холодное, огромное, мертвое тѣло. Впрочемъ, чѣмъ болѣе мы вдаемся въ растянутый просторъ Ейсфіорда, тѣмъ больше снисходимъ къ окружающей меланхоліи; природа даже какъ будто начинаетъ намъ слабо улыбаться. Начну съ того, что на скалахъ рядомъ со снѣжными залежами выступаютъ слабо зеленыя пятна, значительнаго размѣра, блѣдной растительности; воды становятся мало-по-мало свѣтло-голубыми, отражая блѣдную лазурь сѣвернаго неба. Окружающія горы дѣлаются необыкновенно гулкими,

Рис. 4. **Ейсфіордъ.**

такъ же отражая и какъ бы играя на разные лады съ каждымъ малѣйшимъ звукомъ. Такимъ образомъ мы мало-по-малу вступаемъ въ какой-то невѣдомый для насъ и точно очарованный міръ, охватывающій душу удивительною и неизъяснимою прелестью. Advent-bay— третій отъ края заливъ фіорда и наименьшій изъ всѣхъ; повернувъ въ него, мы замѣчаемъ, что на правомъ его краю начинаетъ выростать желтенькій домикъ съ небольшими окошечками, съ балкончикомъ по срединѣ и съ норвежскимъ флагомъ на крышѣ. Впереди домика намѣчается бѣлое пятнышко.

— Медвѣдь,—восклицаетъ одинъ изъ тартареновъ, разлакомившись убійствомъ тюленя.

— По всей вѣроятности, чучело,—сосредоточенно замѣчаетъ другой.

Эта иллюзія была непродолжительна, ибо вскорѣ медвѣдь превратился въ палатку. Еще десять минутъ нетерпѣливаго ожиданія, якорь брошенъ, пары выпущены, и вся наша разношерстная компанія, въ томъ числѣ и одна дама, съ трепетнымъ сердцемъ разсаживается въ двухъ шлюпкахъ, и чрезъ нѣсколько ударовъ веселъ, причаливаемъ къ помосту, долженствующему служить пристанью.

ГЛАВА IV.

Первыя впечатлѣнія на Шпицбергенѣ. Множество цвѣтовъ и ихъ отличительный характеръ. Туристенхюте. Географическія особенности Шпицбергена; его открытіе. Исторія Шпицбергена. Смеренбургъ. Liefde-bay. Кладбище. Датскій Островъ. Андрэ и его шаръ.

Какъ трудно описать то волненіе, которое испытываешь, становясь лицомъ къ лицу съ иною природою, чѣмъ та, къ которой присмотрѣлся съ дѣтства. Задолго мысленно спрашиваешь себя, какова новая обстановка, какова растительность, такъ же ли глядитъ на васъ солнце, какъ и въ нашихъ широтахъ.

Что прежде всего поражаетъ на Шпицбергенѣ высадившагося натуралиста, это—почва, которую, безъ прикрасъ, ни съ чѣмъ нельзя лучше сравнить, какъ съ чуднымъ, смирнскимъ ковромъ, поражающимъ не столько пестротою, сколько гармоничнымъ сочетаніемъ темныхъ, какъ бы выцвѣтшихъ, красокъ. Небольшая, щетинистая, желтозеленая мурава испещрена причудливыми арабесками разноцвѣтныхъ мховъ, которые составляютъ узоръ по основному, зеленоватому фону. Во множествѣ разсѣяны всюду сѣровато-зеленые голыши, покрыты круглыми пятнами лишайника различныхъ оттѣнковъ. Точно самоцвѣтные камни,—невольно подумаешь, смотря, на разстилающуюся предъ вами далеко-далеко, равнину. Нельзя однако сказать, чтобы этотъ коверъ лишенъ былъ яркихъ красокъ; эти краски, спѣшу оговориться, обусловливаются не присутствіемъ нашихъ садовыхъ, буржуазно-вульгарныхъ цвѣтовъ, а множествомъ въ большинствѣ крошечныхъ, по дивно-прелестныхъ цвѣточковъ, которые однако сразу останавливаютъ ваше вниманіе, такъ какъ соединены въ значительные пучки. Вотъ наибольшій между нами нѣжно-свѣтло-зеленый макъ (Papaver nudicaule),

лепестки котораго какъ-то причудливо свернуты; далѣе цѣлыя, какъ бы бархатныя, подушечки изъ темной мелкой зелени, исходящей изъ одного общаго корня, съ мелкими лиловыми цвѣтками: это—мѣстная, шпицбергенская гвоздика (Silena acaulis). Въ огромномъ количествѣ встрѣчаются также разныя Saxifraga съ желтыми чашечками цвѣтовъ; между различными видами этого растенія особенно останавливаютъ вниманіе Saxifraga flagellaris съ длинными корневидными выростами. Ко времени нашего пріѣзда этотъ послѣдній цвѣтокъ уже потерялъ лепестки; завязь же имѣла ярко-красный цвѣтъ и казалась какъ бы каплями крови на темномъ фонѣ почвы. Между крупными камнями, большими пучками, попадается мелко-листный верескъ (Cassiope tetragona) съ слабо-пахучими цвѣтками, напоминающими нашъ ландышъ А затѣмъ сколько бѣлыхъ, желтыхъ, оранжевыхъ цвѣтковъ, которые гордо высятся надъ окружающею муравою! Въ этомъ послѣднымъ обстоятельствѣ кроется удивительное различіе между нашею и полярною зеленью: у насъ полевые цвѣты скрываются въ травѣ, тогда какъ здѣсь они храбро выставляютъ свои яркія головки надъ окружающею поверхностью.

Какая-нибудь сотня саженъ отдѣляетъ пристань отъ небольшого домика съ верандою и близлежащими службами и скромною кличкою „Turistenhütte". Надъ домикомъ развѣвается пестрый, норвежскій флагъ. Входимъ. Насъ встрѣчаетъ нѣсколько Fröken въ бѣлыхъ передникахъ; въ просторной залѣ весело пылаетъ необъятный каминъ, въ которомъ помѣщается цѣлый костеръ дровъ. Пріятно поражаетъ удивительная чистота (эта черта едва ли не болѣе присуща Норвегіи, чѣмъ Швейцаріи), накрытый бѣлою скатертью столъ со всевозможными яствами, среди которыхъ красуется огромныхъ размѣровъ дыня. И это въ разстояніи какихъ-нибудь 1,200 верстъ отъ сѣвернаго полюса, въ странѣ полуночнаго солнца, моржей и бѣлыхъ медвѣдей. Затѣмъ, впрочемъ, легкое разочарованіе: настоящихъ спаленъ не полагается, а имѣются только маленькія каюты съ, одною надъ другою расположенными, койками. Однако и тутъ дѣло скоро оканчивается къ общему удовольствію: на случай пріѣзда значительнаго количества туристовъ чердакъ отеля превращенъ въ обширный дортуаръ, который отдается въ наше безотчетное распоряженіе. Въ немъ мы, я и мой компаніонъ по путешествію, съ нашимъ громоздкимъ багажемъ и располагаемся, занимая по русскому обычаю вдвое болѣе мѣста, чѣмъ это нужно.

Разобравшись, каждый принимается за свойственное ему занятіе: мы, натуралисты, спѣшимъ къ морю посмотрѣть, кѣмъ-то оно населено; тартарены же начинаютъ оглашать воздухъ неумолкаемою трескотнею своихъ винтовокъ,—трескотнею, которая приводитъ въ трепетъ за свои шкуры не столько бѣлыхъ медвѣдей, сколько насъ, ничѣмъ не вооруженныхъ людей науки. Результатомъ этой трескотни является множество битой, несъѣдобной и никому ненужной птицы: чаекъ, буревѣстниковъ, тупиковъ, которые разбрасываются затѣмъ по всему полю, свидѣтельствуя о безмозглости современныхъ нимвродовъ.

Пока мы дѣлали свое дѣло, солнце не отставало отъ насъ: оно проглянуло и залило окрестность своими серебристыми полярными лучами. Термометръ съ $+6^0$ поднялся до $+10^0$ С.; море заискрилось и пріобрѣло синевато-стальной оттѣнокъ; линіи горъ получили рѣзкія очертанія, и мы, пріѣзжіе, съ недовѣріемъ отнеслись къ самому факту нашего нахожденія на Шпицбергенѣ. Все окружающее ясно улыбается и смотритъ горною, альпійскою страною, а никакъ не такимъ далекимъ Сѣверомъ. Впрочемъ, одного взгляда, брошеннаго на противоположный гористый берегъ Eйсфіорда, который насупилъ свои густыя брови и мрачно смотритъ на насъ, достаточно для того, чтобы очнуться и вспомнить, что мы въ объятіяхъ полярной природы.

Ознакомившись съ нашими первыми впечатлѣніями, вамъ, благосклонный читатель, можетъ быть, небезъинтересно будетъ запастись нѣкоторыми свѣдѣніями по географіи и исторіи этого чуднаго, полярнаго края. Вотъ они: Шпицбергенъ не просто островъ, но цѣлый архипелагъ нѣсколькихъ большихъ и, значительнаго количества, мелкихъ острововъ, которые разбросаны на пространствѣ между 76°25′ и 80°50′ сѣверной широты и отъ 11° до 28° восточной долготы. На основаніи имѣющихся данныхъ, нужно признать, что всѣ эти острова покоятся на одной общей, подводной возвышенности, которая простирается до Медвѣжьяго острова. Наибольшая глубина между этимъ послѣднимъ и Шпицбергеномъ не превосходитъ 325 метровъ, а поэтому есть полное основаніе предположить, что Медвѣжій островъ уменьшенъ и оторванъ отъ Шпицбергена, въ силу, можетъ быть, нептуническихъ воздѣйствій [1]). На картѣ, вслѣдствіе меркаторской проэкціи и въ зависи-

---

[1]) Къ западу отъ Шпицбергена глубина океана быстро возрастаетъ; то же явленіе замѣчается и на сѣверѣ архипелага, гдѣ судно Норденшильда „Софія“ подъ 81°42′ опредѣлило глубину въ 2,507 метровъ. Что касается восточныхъ береговъ, то глубина здѣсь еще весьма недостаточно извѣстна.

Свѣтопечать С. В. Кульженко. Кіевъ.

Turistenhüte.

ости отъ слишкомъ сѣвернаго расположенія архипелага, Шпицбергенъ представляется значительно большимъ, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ; въ дѣйствительности же, насколько это возможно установить при недостаточномъ топографическомъ знакомствѣ со Шпицбергеномъ, площадь его равняется приблизительно 64,000 квадратныхъ миль и уподобляется, слѣдовательно, Баваріи. Хорошихъ картъ Шпицбергена, въ особенности такихъ, которыя бы удовлетворяли моряковъ, еще не существуетъ; лучшею считается англійская, адмиралтейская карта № 2,751, но и она, по заявленію одного изъ лучшихъ знатоковъ полярной области капитана Бада, во многихъ отношеніяхъ неудовлетворительна. Въ особенности недостаточно описанъ восточный берегъ, для изученія котораго предполагается, въ будущемъ 1899 году, обширная шведо-русская экспедиція; на значительномъ протяженіи этотъ берегъ обозначается еще пунктиромъ. Шпицбергенскій архипелагъ состоитъ изъ трехъ большихъ острововъ, двухъ среднихъ и множества мелкихъ. Наибольшій островъ, такъ-называемый „Западный Шпицбергенъ", представляется наиболѣе изрѣзаннымъ множествомъ вдающихся внутрь его фіордовъ; онъ отдѣляется Хинлоповымъ проливомъ отъ „Сѣверо-восточной земли" (Nordostland), берега котораго весьма мало извѣстны, такъ какъ весь островъ покрытъ одною сплошною ледяною шапкою, края которой въ видѣ громадныхъ глетчеровъ спускаются въ океанъ. Наконецъ, третій большой островъ, находящійся къ востоку отъ Шпицбергена и къ югу отъ „Сѣверо-восточной земли", извѣстенъ подъ названіемъ Stans-Vorland. Два меньшихъ острова, собственно къ западу отъ Шпицбергена, будутъ: Земля принца Карла и Земля Барента. Что касается мелкихъ острововъ, то они расположены группами, между которыми мы отличаемъ: „Тысячу островъ" на югъ отъ Stans-Vorland, далѣе „Семь острововъ" на крайнемъ сѣверѣ, острова Хинлопова пролива и цѣлое скопленіе непосредственно, у сѣверо-западнаго угла Шпицбергенскаго материка, расположенныхъ острововъ: „Норвежскій", „Дамскій", „Амстердамъ" и „Птичье пѣніе" (Vogel Sang).

Нельзя не упомянуть еще о двухъ средней величины островахъ, находящихся на крайнемъ востокѣ архипелага и обозначенныхъ островами короля Карла. Эти, подъ вѣчнымъ льдомъ погребенные, острова долго играли загадочную роль: то ихъ открывали, то снова отрицали ихъ существованіе, и только въ 1889 году, благодаря экспедиціямъ Кюкенталя и Андрезена, сомнѣніе въ ихъ существованіи было уни-

чтожено. Весьма возможно, что далѣе на сѣверо-востокъ отъ Шпицбергена имѣются другіе, еще неописанные, острова; есть даже нѣкоторое основаніе предполагать, что Шпицбергенъ, соединяясь съ Землею Франца-Іосифа именно этими, самыми островами, предста-

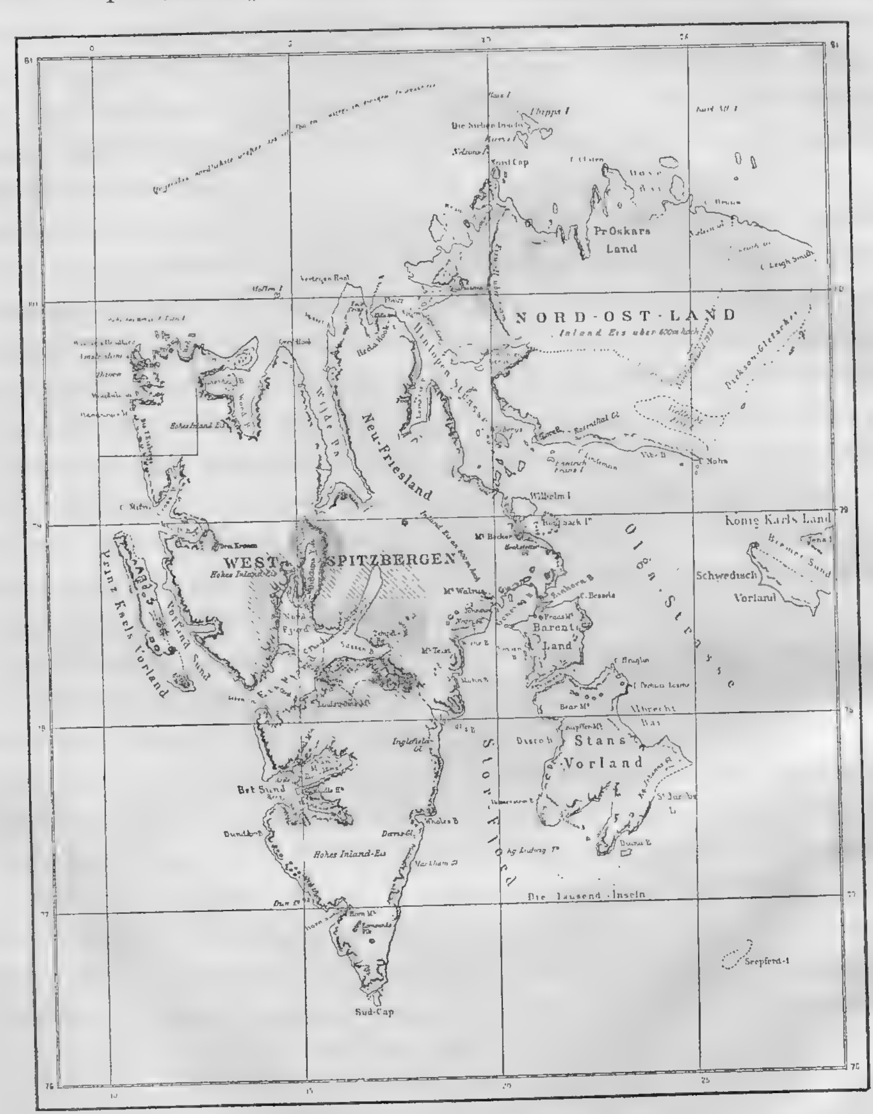

Рис. 5. **Карта Шпицбергена.**

вляетъ собою одинъ общій архипелагъ; воззрѣніе это раздѣляется въ извѣстной степени и Нансеномъ. Нѣтъ ничего невѣроятнаго также и въ томъ предположеніи, что вся эта цѣпь острововъ является въ значительной степени преградою надвигающемуся съ сѣвера на евро-

нейскій континентъ льду, ибо трудно думать, что одному гольфстрему обязаны мы тепломъ; не будь Шпицбергенскаго архипелага, сѣверъ Европы былъ бы, можетъ быть, прикрытъ, на подобіе Гренландіи, одною общею ледяною шапкою, представляя собою одинъ обширный глетчеръ. Въ климатическомъ отношеніи западный берегъ Шпицбергена страшно различается отъ восточнаго: такъ, лѣтомъ, вѣчный, материковый ледъ замѣчается на западѣ между 80° и 81° сѣверной широты; на восточной же сторонѣ онъ спускается обыкновенно на цѣлые два градуса ниже и весь восточный берегъ, вслѣдствіи низко сидящихъ глетчеровъ, находится круглый годъ въ ледяныхъ оковахъ.

Не лишена интереса также и исторія Шпицбергена, а именно: лѣтомъ 1596 года, слѣдовательно, съ небольшимъ 300 лѣтъ тому назадъ, голландцы Барентсъ, Хемскеркъ и Корнелій Риппъ, въ силу возложенной на нихъ городомъ Амстердамомъ миссіи—отыскать въ Китай путь вокругъ сѣверныхъ предѣловъ Азіи, пустились въ плаваніе на двухъ крѣпкихъ, двухмачтовыхъ бригахъ. Для того, чтобы избѣжать опаснаго Вайгачскаго пролива, суда настолько поднялись къ сѣверу, что наткнулись на Медвѣжій островъ; это обстоятельство возбудило любопытство мореплавателей и они направились еще болѣе на сѣверъ, пока черезъ нѣсколько дней предъ ихъ удивленными взорами выросли южныя очертанія обширнаго материка. Благодаря хорошей погодѣ голландцамъ удалось обслѣдовать весь западный берегъ, вплоть до 80°. Вслѣдствіе значительнаго количества острыхъ пиковъ изслѣдователи окрестили открытую ими землю „Шпицбергеномъ". Одиннадцать лѣтъ спустя, послѣ Барента, съ тою же цѣлью, т. е. отысканія сѣвернаго пути въ Китай, направился къ сѣверу извѣстный мореплаватель Генрихъ Гудзонъ. Послѣ шестинедѣльнаго плаванія онъ, пробиваясь чрезъ ледъ, не безъ труда достигъ 80°23′ сѣверной широты, но, будучи не въ состояніи слѣдовать на востокъ вдоль сѣверныхъ береговъ Шпицбергена, долженъ былъ повернуть назадъ. Далѣе, въ 1610 году, Іоанасъ Пооле, открывъ у западнаго берега Шпицбергена длинный и скалистый островъ принца Карла, вернулся въ Голландію съ извѣстіемъ о громадномъ количествѣ встрѣченныхъ имъ въ этихъ мѣстахъ китовъ и подвинулъ своихъ соотечественниковъ заняться этимъ промысломъ. Вслѣдъ за симъ, въ теченіе 17 и 18 столѣтій, потянулись къ сѣверу русскіе, датчане, англичане, французы и даже баски; между ними не разъ происходили кровавыя столкновенія, которыя окончились только послѣ распредѣленія между разными націо-

нальностями фiордовъ Шпицбергена. О количествѣ судовъ, которыя посѣщали эти фiорды, видно изъ слѣдующаго примѣра: въ промежуткѣ съ 1669 по 1778 годъ на Шпицбергенѣ перебывало 14,167 голландскихъ судовъ и убито было 57,590 китовъ, которыхъ цѣнность опредѣлялась приблизительно въ 92,775,000 франковъ.

Пока посѣщали Шпицбергенъ только промышленники, которые въ научномъ отношенiи ничего не сдѣлали; за все время только одинъ Фридрихъ Мартенсъ, гамбургскiй судовой врачъ и естествоиспытатель, издавшiй въ 1671 году интересное изслѣдованiе, озаглавленное „Spitzbergensche und Grönländische Reisebeschreibung", былъ тамъ въ качествѣ изслѣдователя.

Въ 1765 году императрица Екатерина II послала три судна подъ начальствомъ адмирала Чичагова, цѣлью котораго было достиженiе сѣвернаго полюса. Суда эти, слѣдуя западнымъ берегомъ Шпицбергена, достигли далекаго сѣвера, а именно 80°21′ сѣверной широты, но, наткнувшись, подъ этими широтами, на значительныя скопленiя льда, должны были повернуть назадъ. Въ слѣдующемъ году эта попытка была Чичаговымъ повторена, но затѣмъ по той же причинѣ была оставлена, причемъ суда проникли еще нѣсколько дальше, а именно достигли 80°28′ сѣверной широты. Въ концѣ прошлаго столѣтiя далѣе всѣхъ прошелъ лордъ Мильгравенъ, который былъ не только у сѣверной оконечности Шпицбергена, но, слѣдуя сѣвернымъ берегомъ, добрался до „Семи острововъ", но едва не былъ затертъ льдомъ и, съ значительно поврежденными судами, съ трудомъ вернулся назадъ. Наконецъ, въ 1818 году на Шпицбергенѣ побывалъ и знаменитый Франклинъ, на суднѣ „Трентъ", который также добрался до тѣхъ же „Семи острововъ" (80°34′ сѣв. шир.) и также безуспѣшно повернулъ вспять.

Что касается научныхъ экспедицiй, то Шавеpинъ и Сабине организовали въ 1823 году экспедицiю, которая имѣла цѣлью произвести магнитныя наблюденiя надъ маятникомъ въ Гамерфестѣ, Шпицбергенѣ и Гренландiи. Далѣе, Parry совершилъ свое знаменитое путешествiе на сѣверъ въ 1827 году, причемъ достигъ 23 iюня 82°45′ с. ш.

Затѣмъ, въ 1838 году Шпицбергенъ посѣтила научная экспедицiя, состоявшая изъ французскихъ, шведскихъ, норвежскихъ и датскихъ естествоиспытателей на корветѣ „La Recherche", подъ руководствомъ P. Gaemard; экспедицiя эта собрала многочисленныя, какъ зоологическiя, такъ и минералогическiя коллекцiи. Нельзя также не

упомянуть и о знаменитомъ полярномъ изслѣдователѣ Тореллѣ, который въ 1858 году вмѣстѣ съ Норденшильдомъ былъ на Шпицбергенѣ съ географическими и геогностическими цѣлями.

Въ сравнительно недавнее время на Шпицбергенѣ ради научныхъ цѣлей перебывали: Koldwey (1868), Heuglin и Waldbourg-Zeil (1870—71), Höfer (1872), Drasche (1873), Lamont (1871), Natchorst и de-Geer (1882), Kükenthal (1889) и Kremer (1891) и др. Въ 1882—83 годахъ на берегу Ейсфіорда зимовала, во главѣ съ Норденшильдомъ, шведская секція большой, международной, полярной экспедиціи. Наконецъ, въ 1896 году снова посѣтили Шпицбергенъ баронъ de-Geer и Sir Martin Conway, изъ которыхъ послѣдній проникъ (о чемъ ниже будетъ говорено) во внутренность острова. Съ геологическими особенностями Шпицбергена мы знакомы, благодаря изслѣдованіямъ de-Geer'a. Такимъ образомъ Шпицбергенъ является притягательнымъ центромъ для огромнаго количества естествоиспытателей; да это и понятно, такъ какъ, навѣрное, нѣтъ другого пункта, который, находясь всего въ 10^0 отъ сѣвернаго полюса, представлялся бы настолько доступнымъ, благодаря благопріятнымъ условіямъ своего климата.

Въ богатыхъ рыбою водахъ Шпицбергена развилось въ XVII столѣтіи обширное кито- и рыболовство, а также и охота на моржей и тюленей. Трудно повѣрить тому, что, въ половинѣ означеннаго столѣтія, на самомъ сѣверѣ Шпицбергена, на островѣ Амстердамѣ, имѣлся обширный городъ,—столица, вмѣщавшая, въ лѣтнее время, слишкомъ 15,000 жителей, называвшаяся Смеренбургомъ. Насколько важенъ былъ этотъ пунктъ въ коммерческомъ отношеніи, явствуетъ изъ того, что Голландія, раскинувшая свои колоніи въ XVII столѣтіи по всему свѣту, не разъ задумывалась надъ тѣмъ, что̀ болѣе для нея интересно: Батавія, расположенная подъ жгучимъ солнцемъ тропиковъ, или Смеренбургъ, полгода озаряемый сѣвернымъ сіяніемъ полюса. Смеренбургъ находился въ глубинѣ едва ли не лучшей бухты всего Шпицбергена, но—увы!—отъ него уже никакихъ слѣдовъ не осталось, и тамъ, гдѣ прежде жизнь била ключемъ, гдѣ проливалась кровь не однихъ моржей, въ настоящее время царствуетъ полная тишина, нарушаемая чаще всего пронзительно-пискливымъ крикомъ чаекъ и ужасъ наводящимъ ревомъ Ледовитаго океана. По сосѣдству съ исчезнувшимъ Смеренбургомъ находится также небезъинтересный пунктъ—Liefde-bay (любовная бухта), куда, согласно преданію, неугомонные обитатели

Смеренбурга наѣзжали совершать свои оргіи и разогрѣвать кровь культомъ полярной Венеры.

Недостатка въ безмолвныхъ свидѣтеляхъ бренности всего земного, тѣмъ не менѣе, нѣтъ: на огромномъ протяженіи скалистаго плато, господствующаго надъ океаномъ, въ южной части полуострова, образующаго бухту Смеренбурга, раскинулось огромное кладбище, въ которомъ буйное населеніе, наконецъ, на-вѣкъ успокоилось. Оставшимся въ живыхъ время было дорого, а потому, отошедшихъ въ вѣчность, товарищей глубоко не закапывали; вѣтры и непогода повліяли также на то, что длинные ряды гробовъ совсѣмъ обнажились, крыши сорваны и яркой бѣлизны кости торчатъ изъ моха наружу; и что удивительно: кости такой сохранности, какую можно видѣть только на музейскихъ скелетахъ. Тою же особенностью поражаютъ и двѣ мраморныхъ надгробныхъ плиты, свидѣтельствующихъ о двухъ, похороненныхъ здѣсь, голландскихъ матросахъ: 250 лѣтъ уже, какъ лежатъ они подъ этими плитами, и, тѣмъ не менѣе, надписи такъ свѣжи, точно онѣ только-что начертаны.

Гораздо болѣе грустныя мысли, чѣмъ кладбище, навѣваетъ находящійся напротивъ Смеренбурга, на Датскомъ островѣ, печальный остовъ жилища чертовски смѣлаго и, конечно, безразсуднаго Андрэ. Здѣсь—безобразная полуразрушенная, шестиугольная башня или, вѣрнѣе, балаганъ съ 12-саженными стѣнами, сколоченый изъ досокъ и окруженный лѣсами, изъ котораго вылетѣлъ Андрэ съ своимъ шаромъ; тамъ, въ незначительномъ отдаленіи, домикъ, выстроенный смѣлымъ охотникомъ, англичаниномъ—мистеромъ Пикомъ, зимовавшимъ здѣсь ради охоты на бѣлыхъ медвѣдей, которыхъ онъ сперва фотографировалъ, а потомъ стрѣлялъ. Въ домикѣ чувствуются недавно выбывшіе жильцы: по комнатамъ стоятъ кровати, въ углахъ желѣзныя печи, на стѣнѣ виситъ ружье, которое Андрэ при его воздушныхъ скитаніяхъ не понадобилось. Во многихъ мѣстахъ приклеены на разныхъ языкахъ (кромѣ русскаго) печатныя объявленія, приглашающія ничего не трогать. На столѣ валяется портретъ Андрэ. Всматриваясь въ это сухое, нервное и необыкновенно подвижное лицо, невольно останавливаешься на жесткихъ и пронзительныхъ глазахъ, которые смотрятъ, но васъ не видятъ; усы à la Тарасъ Бульба закрываютъ узкія и своенравныя губы. Очевидно, эгоизмъ и желѣзная воля этого человѣка, подогрѣваемые самолюбіемъ, не знаютъ состраданія. Душевные стимулы, побудившіе Андрэ совершить его историческое безразсудство, совершенно ясны. На эту экспе-

дицію по добровольной подпискѣ собрано и истрачено было 130,000 кр. (король Оскаръ далъ 30,000, милліонеръ Диксонъ 20,000, Нобель 60,000); затѣмъ въ засѣданіи международнаго географическаго конгресса въ Лондонѣ 29-го іюля 1895 года, когда общее мнѣніе свелось къ слѣдующему заключенію: обсудивъ съ практической точки зрѣнія планъ Андрэ и принявъ въ соображеніе особенности и непостоянство воздушныхъ теченій за полярнымъ кругомъ, конгрессъ не даетъ этому плану своего одобренія,—Андрэ отвѣтилъ, что онъ не нуждается въ одобреніи, что деньги у него въ карманѣ и что онъ во что бы то ни стало да полетитъ; далѣе, послѣ первой неудачной попытки въ 1896 году полетѣть,—попытки, выразившейся почти двухмѣсячнымъ пребываніемъ на Шпицбергенѣ, газеты Скандинавскаго материка, а затѣмъ континента стали насмѣшливо относиться къ Андрэ и его неудавшимся сборамъ. Что ему оставалось дѣлать? Сдѣлать то, что онъ и сдѣлалъ, т. е., очертя голову, полетѣть въ результатѣ своего вторичнаго въ 1897 году пребыванія на Шпицбергенѣ. Теоретически обоснованъ былъ планъ Андрэ такимъ образомъ: всѣ до сихъ поръ употреблявшіеся способы достиженія сѣвернаго полюса нужно считать недостаточными, поэтому слѣдуетъ прибѣгнуть къ новому, доселѣ еще непримѣненному способу, именно—къ воздушному шару. Что на этомъ способѣ до сихъ поръ не останавливались, объясняется двумя причинами: во-первыхъ, неумѣніемъ управлять шаромъ, во-вторыхъ, краткосрочностью его летательной способности, которая обусловливается газовою диффузіею чрезъ поры оболочки. Обѣ эти причины теоретически не непреоборимы. Неумѣніе направлять шаръ можетъ быть замѣнено знаніемъ воздушныхъ теченій, а диффузія устранена примѣненіемъ болѣе плотной матеріи. На основаніи имѣвшихся до сихъ поръ метеорологическихъ наблюденій, Андрэ пришелъ къ заключенію, что среди лѣта, съ началомъ обычныхъ, южныхъ вѣтровъ, на полюсѣ долженъ установиться minimum барометрическаго давленія и вмѣстѣ съ тѣмъ со Шпицбергена появится воздушное теченіе чрезъ сѣверный полюсъ; теченіе, направляющееся или къ Сѣверной Сибири, или къ Аляскѣ. Въ силу сказаннаго, для воздушнаго шара, поднимающагося изъ Шпицбергена, возможны три дороги: или прямо къ сѣверу черезъ полюсъ въ Аляску, или вблизи полюса къ Восточной Сибири, или, еще ближе, чрезъ Землю Франца-Іосифа къ одному изъ болѣе западныхъ пунктовъ сибирскаго побережья. Менѣе вѣроятнымъ считалось четвертое направленіе—къ Арктическому Океану Сѣверной

Америки. Если принять среднюю скорость воздушнаго течения въ десять метровъ въ секунду, то, по разсчету Андрэ, скорость движенія шара можно считать въ $7^1/_2$ метровъ въ секунду; при этомъ наиболѣе длинный, изъ указанныхъ трехъ путей (3,700 кил.), можетъ быть пройденъ въ шесть дней. Руководствуясь тою скоростью, съ которою воздушный шаръ, выпущенный изъ осажденнаго Парижа, достигъ 24 ноября 1870 года Ливфельда въ Норвегіи (всего $14^3/_4$ часа)—это былъ самый длинный путь, когда-либо пройденный шаромъ,—полетъ къ сѣверному полюсу могъ быть совершенъ въ какихъ-нибудь 5, 6 часовъ и вся полярная область перерѣзана менѣе, чѣмъ въ сутки. Такое путешествіе, à la Жюль-Вернъ, не входило въ разсчетъ Андрэ, такъ какъ онъ принималъ во вниманіе разныя препятствія, какъ-то: существованіе отклоненій въ воздушныхъ теченіяхъ, круговоротовъ, а потому опредѣлялъ срокъ перелета въ одинъ мѣсяцъ.

Кардинальнымъ вопросомъ являлся, такимъ образомъ, слѣдующій: можетъ ли шаръ достаточно долго продержаться въ воздухѣ [1]). Съ этою цѣлью Андрэ удалось ввести въ изготовленіе шелковой матеріи шара особое усовершенствованіе, которое въ значительной степени уплотнило ткань и даже давало возможность свести размѣры шара съ 6,000 кубическихъ метровъ на 4,500. Изготовленіемъ шара занялся Lachambre въ Парижѣ [2]).

Обвинять Андрэ за отвагу и рѣшимость, обусловленную къ тому же еще и вышеизложенными причинами, конечно, нельзя; да и къ тому же каждый можетъ распоряжаться собою, какъ ему угодно. Вина его, однако, въ томъ, что онъ рискнулъ чужою жизнью: подчинивъ своей волѣ задумчиваго мечтателя—Нильса Экхольма, съ которымъ онъ въ 1882—83 г. провелъ почти цѣлый годъ на Шпицбер-

---

[1]) Самое продолжительное воздушное путешествіе было совершено нѣмцами, Башиномъ и Берзономъ, на шарѣ „Фениксъ", которые пролетѣли разстояніе между Берлиномъ и Трольдехельде въ Ютландіи въ $18^1/_2$ часовъ.

[2]) Андрэ очень полагался на изобрѣтенное имъ нововведеніе, заключавшееся въ трехъ спускавшихся отъ шара канатахъ, длиною въ 400 метровъ, представлявшихъ вѣсъ въ 1,000 килограммовъ. Эти канаты, тащившіеся по землѣ, должны были регулировать высоту нахожденія шара: при подъемѣ шара вѣсъ ихъ увеличивался, при опусканіи понижался и долженъ былъ держать шаръ, по вычисленіямъ Андрэ, на высотѣ 250 метровъ. Возможно, что это нововведеніе, главнымъ образомъ, и погубило Андре, такъ какъ воздушное теченіе, которое понесло шаръ, было порывисто, не сильно и едва ли могло справиться съ тяжестью канатовъ.

генѣ, дѣлая магнитныя и метеорологическія наблюденія и молодого, многообѣщающаго, пылкаго юношу, студента—Стриндберга, онъ взялъ ихъ съ собою туда, откуда возврата не могло быть. Если виноватъ Андрэ, то еще болѣе виновата та жалкая наука, которая называется метеорологіей [1]), шаткимъ выводамъ которой этотъ смѣлый человѣкъ повѣрилъ.

---

[1]) По поводу „жалкой науки" я приведу разговоръ двухъ пріятелей: „Жалкій ты человѣкъ", говоритъ одинъ изъ нихъ. „Почему жалкій?". „Да потому, что ты дальше твоего носа ничего не видишь".

ГЛАВА V.

Спортъ сѣвера. Полуночное солнце. Особенности дня и ночи. Безжизненность равнины. Salix polaris. Экскурсія внутрь острова. Шпицбергенская весна. Сѣверные олени. Охота на Шпицбергенѣ. Исторія четырехъ промышленниковъ, зимовавшихъ на Шпицбергенѣ. Нашъ поморъ Старостинъ и его зимовки. Прошеніе, поданное его внукомъ. Историческая справка. Шпицбергенъ никому не принадлежитъ.

Съ легкой руки германскаго императора, поѣздка на Сѣверъ, вотъ уже лѣтъ пять, какъ стала настоящимъ спортомъ. Прусское юнкерство, облекшись во фланелевую пару, но сохранивъ присущій ему обликъ, про который Гейне такъ мѣтко сказалъ: „So kerzengrade geschniegelt, als hätten sie verschluckt den Stock, womit man sie einst geprügelt“,— каждое лѣто неудержимо стремится на Сѣверъ и уже превратило величественные Лофодены въ панораму, а мрачный Нордкапъ въ кафе-шантанъ, въ которомъ одинъ выстрѣлъ винтовки приходится, по крайней мѣрѣ, на сто откупориваемыхъ бутылокъ. Главный изъ пунктовъ программы гласитъ: „полюбоваться полуночнымъ солнцемъ и прожечь имъ фуражку, или, по крайней мѣрѣ, платокъ“. Этотъ пунктъ зачастую остается неисполненнымъ, такъ какъ солнце, капризно скрывшись въ Лофоденахъ, до конца путешествія, къ досадѣ туристовъ, такъ и не показывается. Въ погонѣ за полуночнымъ солнцемъ мы въ Тромзё уже не застали его, такъ какъ съ 14-го іюля оно уже прячется за горизонтъ, продержавшись выше его цѣлыхъ два мѣсяца и восемь дней; тоже не видѣли мы его и въ Гамерфестѣ, и только на Шпицбергенѣ, гдѣ оно не покидаетъ небеснаго свода съ 8-го апрѣля по 10-е августа, мы могли разсчитывать на это исключительное зрѣлище. Признаюсь, я его ждалъ съ величайшимъ нетерпѣніемъ,

взвинченный фотографіями и описаніями quasi правдивыхъ путешественниковъ. На фотографіяхъ полуночное солнце необыкновенно эффектно, обозначаясь ясно очерченнымъ дискомъ, бросающимъ серебристые лучи на чернильно-черную воду океана: у солиднаго изслѣдователя сѣверной Скандинавіи Charles Ribot оно изображается такъ. „Тамъ, на краю горизонта, подобно большому мѣдно-красному диску, полуночное солнце горитъ тускло и безъ лучей, какъ будто оно собирается погаснуть въ водахъ океана, тогда какъ надъ нимъ ярко свѣтятся розовыя облака, несущія на себѣ какъ бы отблескъ, невидимыхъ глазу, небесныхъ свѣтилъ". Извѣстный шведскій поэтъ Тегнеръ рисуетъ полуночное солнце слѣдующими красивыми стихами:

Mittnachtsonn'auf den Bergen lag
Blutrot anzuschaun;
Es war nicht Nacht, es war nicht Tag,
Es war ein seltsam Grau'n.

Первая полночь повергла насъ въ разочарованіе: солнце въ 11 часовъ скрылось за тучи, озаривъ ихъ край, какъ и у насъ, огненнымъ полымемъ; то же разочарованіе и во вторую ночь, но уже по иной причинѣ: не дойдя нѣсколькихъ градусовъ до горизонта, оно, безъ всякихъ эффектныхъ инцидентовъ, стало подниматься. Ни съ пуговицею на солдатской шинели, ни съ мѣднымъ дискомъ его сравнивать не было основанія: солнце какъ солнце, хотя, можетъ-быть, въ немъ и замѣчалось нѣкоторое преобладаніе серебряныхъ лучей надъ золотыми, а потому и освѣщеніе получалось, какъ будто слегка, лунное.

Пребываніе наше на Шпицбергенѣ пріобрѣтаетъ скоро монотонный характеръ: три раза въ день питаемся и затѣмъ цѣлый день экскурсируемъ, то по сушѣ, то по морю, собирая разную тварь, какъ зоологическую, такъ и ботаническую и всякій разъ сожалѣемъ, что всѣ эти функціи не отнесены на ночь, а совершаются днемъ, такъ какъ ночь неизмѣримо лучше дня,—нѣсколько прохладнѣе, правда (отъ +4 до +6°), но за-то какая чудная тишина, какое величавое спокойствіе. Море не шелохнется, воздухъ привѣтливо ласкаетъ васъ: живешь, чувствуешь силу и преобладаніе надъ окружающею мертвенностью. Мрачные утесы, полукольцомъ сжимающіе бухту, и сверкающіе бѣлизною ледники, точно гигантскіе бѣлые медвѣди,

молча и раболѣпно, словно, преклоняются предъ вами. Въ такія минуты особенно пріятно наблюдать природу и собирать: все живое приводитъ въ умиленіе, каждый мелкій цвѣточекъ можетъ вызвать чуть ли не слезы радости. Усердно ворочаемъ камни, съ досадою замѣчая, что этимъ дѣломъ занимались уже неизвѣстные естествоиспытатели до насъ, но, увы!—ворочаемъ безъ большаго успѣха, такъ какъ жизни подъ камнями мало; проворно бѣгаетъ, тщетно стараясь скрыться, маленькій, черненькій паучекъ, копошится красненькій клещъ и кишатъ во множествѣ бѣленькія, безкрылыя насѣкомыя (Thysanura). А затѣмъ ничего, ничего и ничего; мы выбиваемся изъ силъ и въ результатѣ получается одна досада; а между тѣмъ на Шпицбергенѣ констатировано 15 видовъ насѣкомыхъ (между ними только одна, крошечная, сѣренькая бабочка), но всѣ они, за исключеніемъ безкрылыхъ формъ, регулируютъ свое существованіе временемъ цвѣтенія, мы же прибыли нѣсколько поздно, и, уже чрезъ недѣлю послѣ пріѣзда, можно было замѣтить, что добрая половина цвѣтовъ поблекла, а вмѣстѣ съ ними изчезли и насѣкомыя, если не считать небольшихъ, темныхъ комариковъ, которые встрѣчаются на злакахъ, растущихъ въ укромныхъ мѣстахъ.

Гулять по Шпицбергену не вездѣ легко и удобно. Чудный коверъ, испещренный цвѣтами, нерѣдко смѣняется густымъ и вязкимъ болотомъ, которое, впрочемъ, готовитъ намъ неожиданный и интересный сюрпризъ. По его поверхности во множествѣ разбросаны желто-зеленыя, моховыя кочки, всматриваясь въ которыя, мы замѣчаемъ, какъ изъ нихъ мшистой массы привѣтливо выглядываютъ зеленые, овальные листочки, принадлежащіе небольшому, густо развѣтвляющемуся, кустику полярной ивы (Salix polaris), въ одну четверть высоты, который пускаетъ глубокіе корни значительно болѣе аршина въ землю. Впрочемъ это не единственная, древесная растительность Шпицбергена: въ горахъ встрѣчается такая же микроскопическая береза (Betula nana). Ходишь по лѣсу и не подозрѣваешь того.

Мы пробуемъ экскурсировать внутрь острова. Ближайшимъ поводомъ являются, чудно сохранившіяся, окаменѣлости изъ царства растеній, встрѣчающіяся въ горахъ; къ тому же интересно составить себѣ представленіе о внутренности острова и о тѣхъ суровыхъ вершинахъ и пикахъ, покрытыхъ льдомъ и снѣгомъ, которые окружаютъ котловину Адвенти-бая. Какъ извѣстно, внутрь Шпицбергена проникъ до сихъ поръ только одинъ Мартинъ Конвей, англичанинъ

во главѣ небольшой экспедиціи, снаряженной на средства лондонскаго Общества наукъ. Конвей принадлежитъ къ числу наиболѣе предпріимчивыхъ альпинистовъ; онъ получилъ извѣстность благодаря своимъ странствованіямъ и съемкамъ въ 1892 — 93 годахъ въ Каракорумскихъ горахъ. Здѣсь послѣ страшныхъ трудностей ему удалось подняться до наибольшей высоты, достигнутой людьми безъ помощи воздушнаго шара, именно семи тысячъ метровъ. Ему же удалось первому перебраться съ западнаго берега Шпицбергена на

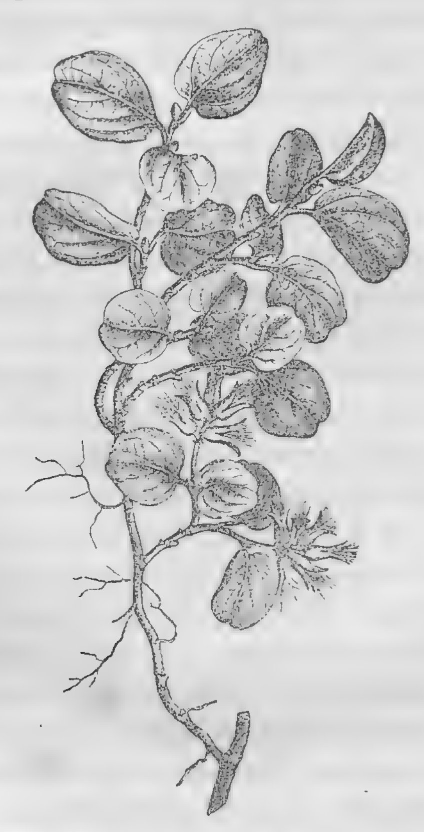

Рис. 6. **Ива (Salix polaris).** Въ натуральную величину.

восточный въ пространствѣ одной изъ бухтъ Эйсфіорда (Сассенъ-бай) и Агарди-бай. [1]). Оказалось, что внутренность Шпицбергена не представляется, подобно Гренландіи, покрытою одною сплошною ледяною

[1]) Этотъ переходъ Конвей со своими спутниками, Dr. Gregory и M-r. Garwood'омъ совершилъ два раза, т. е. туда и назадъ. Предварительно они же совершили переходъ чрезъ материкъ между Advent-bai и von Mijen-bai (рукавъ Bel-Sund'a) и Advent-bai, и Sassen-bai и, кромѣ того, странствовали сѣвернѣе Nord-fjord'a (одна изъ частей Ейсфіорда).

шапкою, а заключаетъ значительное количество долинъ, покрытыхъ мхомъ и коротенькою, щетинистою травою, доставляющею пищу стадамъ сѣверныхъ оленей. Глетчеры не имѣютъ значительной высоты, но очень обширны. Свой перевалъ Конвей совершилъ въ саняхъ при помощи двухъ пони, привезенныхъ имъ изъ Шотландіи.

Ясное утро; солнце обдаетъ насъ горячими лучами и мы пересѣкаемъ однообразную равнину, усѣянную скатившимися съ окружающихъ вершинъ камнями, которые досадливо преграждаютъ намъ путь. Идемъ далѣе. Съ одной стороны, точно грозные бастіоны гигантской крѣпости, поднимаются отвѣсные утесы, служащіе мѣстопребываніемъ несмѣтнаго множества птицъ, которыя наполняютъ воздухъ дикими криками. То здѣсь, то тамъ виднѣются на значительной высотѣ снѣговыя пятна, привлекающія наше вниманіе своимъ розовымъ цвѣтомъ, зависящимъ отъ живущей въ немъ микроскопической водоросли. Съ другой стороны необозримая пелена океана, который безсильно лѣзетъ на-приступъ береговыхъ громадъ, но сейчасъ же въ изнеможеніи отступаетъ и яростно воетъ отъ неудавшейся попытки. Дорогою попадается небольшое озерцо, которое привлекаетъ наше вниманіе тѣмъ, что окружено широкою рамкою птичьихъ перьевъ и пуха, свидѣтельствующихъ о значительномъ количествѣ пернатыхъ, прилетающихъ сюда ради добычи; къ большой нашей радости оказывается, что озерцо населено довольно большимъ рачкомъ (Apus, величиною съ миндалину). Вотъ она, безконечная цѣпь истребленія! Какова же должна быть масса тѣхъ низшихъ организмовъ, которые должны насытить этого рачка, для того, чтобы этотъ послѣдній могъ представить достаточный кормъ для такого количества птицъ.

Затѣмъ мы покидаемъ береговую полосу и углубляемся, слѣдуя ущелью, внутрь материка; у нашихъ ногъ бѣжитъ довольно широкій, горный ручей, унося съ собою все то, что не въ силахъ противостоять его стремительности. Чѣмъ выше мы поднимаемся, тѣмъ суровѣе окружающая панорама; изъ-за горизонта выступаютъ все новыя и новыя, снѣговыя вершины; на нашемъ пути попадаются значительные оазисы снѣга, которые жмутся къ ручью. Сперва мы ихъ обходимъ, но затѣмъ взбираемся на ихъ хрупкую и предательскую поверхность, постоянно проваливаясь и теряя силы.

Ранняя, мартовская весна чувствуется въ воздухѣ: она сказывается, какъ въ рыхломъ, тающемъ снѣгѣ, такъ и въ особой весенней

воркотнѣ, мимо стремящагося потока; дышешь полною грудью, въ ушахъ стучитъ по-весеннему, голова кружится, и чувство физическаго довольства проникаетъ въ душу. Нами же прокладываемая тропинка круто поднимается; мы останавливаемся для того, чтобы перевести духъ и тутъ съ грустью замѣчаемъ, что въ этой, шпицбергенской веснѣ чего-то недостаетъ: нѣтъ въ ней надежды на продолжающееся обновленіе. Въ душѣ вашей вы не слышите радостнаго: „весна идетъ, весна идетъ“; она, напротивъ, упорно стоитъ; ликъ ея суровъ и ничего вамъ не обѣщаетъ. Изъ-подъ снѣжной пелены не пробивается молодой, зеленый, только-что очнувшійся листочекъ, земля не млѣетъ и природа не раскрываетъ вамъ своихъ объятій; надъ головою не заливается жаворонокъ, и лишь изрѣдка, на значительной высотѣ, со свистомъ разрѣзая холодный и рѣзкій воздухъ, проносится стая черно-пестрыхъ гагаръ или дикихъ гусей. Но вотъ проводникъ нашъ, тяжелый и бѣлобрысый юноша, останавливается и разсматриваетъ въ пропитанной влагою почвѣ чьи-то слѣды и съ широкою улыбкою говоритъ: „Rensdyr“. Это — слѣды сѣвернаго оленя, громадныя стада котораго водятся на возвышенныхъ плато, окружающихъ скалъ. Нѣсколько далѣе что-то бѣлѣется между камнями; это не снѣгъ. Подходимъ ближе: оказывается—шкура съ рогами убитаго оленя; въ сторонѣ лежитъ другая, третья; проводникъ нашъ объясняетъ намъ, что здѣсь оленей много и что ихъ бьютъ не жалѣя, бьютъ для того, чтобы бить, вырѣзывая часто только одни языки. Несмотря на всѣ старанія истребить оленя, человѣку этого не удается; насколько велико ихъ число, ясно изъ того, что въ 1892 году принцъ Бурбонскій, пріѣхавшій ради охоты на Шпицбергенъ на своей собственной яхтѣ съ тремя компаніонами и двумя дамами, которыя принимали также дѣятельное участіе въ этомъ, далеко не благородномъ, спортѣ, въ періодъ менѣе двухъ недѣль, застрѣлили 114 оленей. На долю каждаго промышленника, пріѣзжающаго изъ Тромзё или Гамерфеста, приходится среднимъ числомъ въ лѣто до ста головъ. Во всей Европѣ лучшая охота, конечно, на Шпицбергенѣ,—обстоятельство тѣмъ болѣе соблазнительное, что здѣсь охотиться можно и безнаказанно, и безпошлинно, тогда какъ въ Норвегіи право охоты на казенныхъ земляхъ стоитъ 280 кронъ въ годъ [1]).

[1]) Насколько удачна можетъ быть охота на Шпицбергенѣ ясно изъ слѣдующаго перечня дичи, убитой за означенныя двѣ недѣли принцемъ Бурбонскимъ и его компаніею (всего 6 человѣкъ): сѣвер. оленей 114; тюленей 43; шпицбергенскихъ

Съ огромными трудностями подвигаемся дальше; оставляя въ сторонѣ ручей, поднимаемся вдоль очень крутого склона, усѣяннаго громадными, рыхло-лежащими камнями. Рвемъ платье и обувь, царапаемъ руки и постоянно рискуемъ быть раздавленными выше лежащими валунами, которые подъ нашими ногами съ грохотомъ подвигаются намъ навстрѣчу. Израсходовавъ остатокъ силъ, взбираемся на верхнее плато, при чемъ наиболѣе труднымъ является послѣдній шагъ, такъ какъ выдающійся карнизъ этого плато виситъ надъ пропастью. Ура! мы его взяли: но за то—увы!—наши старанія ничѣмъ не вознаграждены: мерзлая, бурая равнина, изрѣзанная пропастями, тянется на безконечное разстояніе. Всюду залежи снѣга и небольшіе полузамерзшіе водоемы; подъ камнями абсолютное отсутствіе жизни; нигдѣ ни травки, ни листочка. На нашъ вопросъ о близости конечной цѣли нашего путешествія, проводникъ отвѣчаетъ: „далеко, еще очень далеко". Идемъ полчаса, опять тотъ же отвѣтъ, а тѣмъ временемъ ноги вязнутъ въ снѣгу, вѣтеръ непріятно визжитъ въ ушахъ, а унылое однообразіе, окружающаго пейзажа, страшно удручаетъ. Въ результатѣ мы соглашаемся на предложеніе нашего проводника вернуться назадъ, а ему поручить набрать окаменѣлостей, благо это дѣло ему знакомо. Возвращеніе оказывается не менѣе головокружительнымъ; мы сворачиваемъ нѣсколько въ сторону, причемъ замѣчаемъ, что ближайшія окрестности Туристенхютте не лишены нѣкоторой поучительности. Во многихъ мѣстахъ видны кресты и памятники съ длинными и короткими надписями по погибшимъ здѣсь въ борьбѣ съ суровою обстановкою людямъ всѣхъ національностей. Все бравые и неустрашимые моряки, которымъ, можетъ-быть, и не такъ жутко здѣсь покоиться подъ земляным покровомъ, чѣмъ на днѣ полярнаго океана, по сосѣдству съ разною, морскою, прожорливою тварью.

Въ верстѣ, на вершинѣ небольшаго холмика, подъ южнымъ, круглымъ склономъ котораго журчитъ небольшая рѣчка, находятся развалины полуземлянки, полухижины, въ которой съ 1895 на 1896 годъ зимовали четверо норвежскихъ промышленниковъ. Разверзстая могила не вызываетъ того щемящаго чувства, которое охватываетъ душу при видѣ безмолвныхъ остатковъ, напряженно бившейся здѣсь, въ когтяхъ неумолимой природы, человѣческой жизни. Исторія этихъ несчастныхъ и по-

гусей (?)—91; гагаръ 228; лисицъ—всего 3; куропатокъ 9; сѣрыхъ гусей 68 и множество чаекъ, глупышей, гагарокъ, тупиковъ и др.

учительна, и полна трагизма. На небольшомъ одномачтовомъ бригѣ „Эльда“ они плавали у западныхъ береговъ Шпицбергена до половины октября мѣсяца. Охота за звѣремъ шла удачно: за лѣто они положили слишкомъ двѣсти штукъ оленей, да около десятка бѣлыхъ медвѣдей, а потому и задержались долѣе обыкновеннаго; когда же собрались вернуться назадъ, то необыкновенно рано появившійся, у южной оконечности Шпицбергена, ледъ преградилъ имъ путь; пришлось скрыться въ Бельзундѣ (наиболѣе южная бухта Шпицбергена), но и она оказалась до самаго входа затертою льдомъ, а тутъ еще на бѣду на нихъ обрушился сильнѣйшій, снѣговой штормъ, который перешелъ въ зюдъ-вестъ и

Рис. 7. **Могилы Шпицбергена.**

погналъ ихъ на сѣверъ къ Эйсфіорду. Что тутъ оставалось дѣлать оробѣвшимъ промышленникамъ? Приходилось бросить якорь и укрыться въ наиболѣе покойномъ пунктѣ Эйсфіорда—Адвентъ-бай. Скоро однако оставаться на бригѣ оказалось невозможнымъ, такъ какъ судно накренилось и стало подозрительно кряхтѣть подъ напоромъ, собравшагося кругомъ, льда. Перспектива зимовки на Шпицбергенѣ стала для нихъ неизбѣжною, а потому они рѣшили, скрѣпя сердце, перебраться на берегъ и сколотить себѣ домикъ на ближайшей возвышенности, которая казалась достаточно сухою. Остовъ, жалкій вывѣтрившійся скелетъ домика еще вполнѣ сохранился: на глубину одного

метра вынута земля, затѣмъ настланъ полъ; мачта и весла послужили основою для крыши, которая собрана была изъ досокъ развалившейся „Эльды“ и покрыта сверху дерномъ, мхомъ и олеными шкурами. Входомъ служила дверь каюты. Четырехъугольный помостъ, выложенный также олеными шкурами, служилъ всѣмъ тремъ постелью. Небольшую плиту, которая и досихъ поръ валяется между различными обломками, они перенесли точно также съ брига. Въ этомъ жалкомъ жилищѣ пришлось зимовать.

Величайшею опасностью полярной зимовки служитъ бездѣятельность, въ которую впадаетъ человѣкъ въ зависимости въ значительной степени отъ мрака полярной ночи; эта бездѣятельность, въ связи съ окружающею сыростью, является одною изъ причинъ скорбута, съ которымъ человѣкъ еще относительно успѣшно борется въ теченіе зимы, но который имъ овладѣваетъ съ наступленіемъ теплаго времени, съ появленіемъ перваго солнечнаго луча. Промышленники это знали, а потому насколько возможно проводили время на чистомъ воздухѣ, охотились и собирали топливо въ удаленныхъ отъ землянки мѣстахъ; такимъ образомъ перебились они до Рождества и Новаго года, чувствуя себя крѣпкими и бодрыми, хотя и исхудали порядкомъ. Холодъ, который имъ за это время пришлось испытать, не превосходилъ—22° R. Къ несчастью землянка сдѣлалась въ концѣ-концовъ сырою и нездоровою, но и тутъ судьба ихъ выручила: они вспомнили, что по другую сторону фіорда, у мыса Тордсена, долженъ еще находиться домикъ, выстроенный Норденшильдомъ и на саняхъ, и лыжахъ они перебрались туда по льду. Переѣздъ не обошелся однако безъ непріятности: одинъ изъ людей, Антонъ Нильсъ, окончательно отморозилъ себѣ носъ и едва доплелся до новаго жилища. Домикъ, къ счастью, оказался очень крѣпкимъ и вполнѣ благонадежнымъ.

Въ половинѣ февраля трое изъ промышленниковъ, кромѣ Антона, ради доставки оставшагося матеріала рѣшили побывать на прежнемъ пепелищѣ. Увы!—провіанта, состоявшаго изъ оленьихъ тушъ, не оказалось, такъ какъ бѣлые медвѣди поѣли ихъ, отдѣливши мясо отъ костей не хуже любого скорняка. Вернувшись въ февралѣ же назадъ, они застали Антона въ добромъ здоровьѣ и весело распѣвающимъ норвежскія пѣсни, несмотря на отсутствіе органа, немаловажнаго въ звуковомъ отношеніи. Въ мартѣ однако Антонъ сталъ болѣть скорбутомъ, остальные же трое ради болѣе успѣшной охоты рѣшили снова переселиться въ землянку Адвентъ-бая, завѣщавъ Антону мо-

литься Богу и не унывать. Дорогою къ старому жилищу имъ посчастливилось: они застрѣлили двухъ медвѣдей и четырехъ оленей. Весенняя сырость и тающій снѣгъ сдѣлали, однако, свое дѣло: промышленники, поселившись въ старой землянкѣ, стали болѣть и сильнѣе всѣхъ капитанъ бывшаго брига; весь апрѣль онъ не сходилъ съ койки и въ концѣ мѣсяца скончался (объ Антонѣ забыли и думать, такъ какъ рѣшили, что его тоже уже нѣтъ на свѣтѣ).

Въ началѣ мая фіордъ въ значительной степени очистился ото льда и, оставшіеся въ живыхъ, двое охотниковъ, рѣшили попробовать счастіе и, несмотря на одолѣвавшій ихъ скорбутъ и безсиліе, отправились въ маленькой лодочкѣ посмотрѣть—не наткнутся ли они на какое-нибудь судно; умершаго же капитана, такъ какъ земля была очень замерзшею, они рѣшили, ради сохранности отъ дикихъ звѣрей, запрятать въ двѣ бочки: головою въ одну, ногами же въ другую. Послѣ неимовѣрныхъ усилій имъ удалось, наконецъ, добраться до Бельзунда, но—увы!—берегъ его представлялся рядомъ неприступныхъ ледниковъ и нашимъ охотникамъ пришлось цѣлыхъ пять сутокъ скитаться въ лодкѣ, изнемогая и питаясь сырымъ мясомъ убитыхъ чаекъ, прежде чѣмъ удалось высадиться. Наконецъ, 18-го мая вдали показалось парусное судно, услышало ихъ выстрѣлы, подобрало еле-живыхъ и доставило въ Вардё.

Рис. 8. **Остатки хижины.**

На-ряду съ этими несчастными промышленниками въ представленіи выростаетъ фигура нашего богатыря-помора Старостина, который, въ концѣ прошлаго столѣтія, отправился охотиться на Шпицбергенъ. За лѣто набилъ онъ значительное количество оленей, натопилъ немало тюленьяго жира; ему на счастіе подвернулось штукъ пять бѣлыхъ медвѣдей, которымъ онъ спуска не далъ и съ богатою добычею вернулся домой. На слѣдующее лѣто повторилось то же; приглянулась ему свободная, независимая жизнь, благо онъ былъ одинокъ, и сталъ онъ каждый годъ съ наступленіемъ теплаго времени (въ половинѣ іюня) ѣздить на Шпицбергенъ, а затѣмъ, лѣтъ черезъ пять, Старостинъ попробовалъ перезимовать. Зимовка обошлась благополучно и онъ рѣшилъ, что вообще на родину возвращаться не стоитъ, благо у него никого тамъ не оставалось: онъ окончательно поселился на Шпицбергенѣ, въ наиболѣе зеленомъ его уголкѣ—Green Harbour (первая бухта Эйсфіорда). За 36 лѣтъ своего пребыванія на Шпицбергенѣ Старостинъ только 13 зимъ провелъ дома, а цѣлыхъ 23 полярныхъ зимы, представляющихъ собою столько же сплошныхъ восьмимѣсячныхъ ночей, лицомъ къ лицу съ полною ужаса природою, среди безмолвной тишины, нарушаемой лишь выстрѣлами собственной винтовки да грознымъ трескомъ льдинъ фіорда, провелъ на Шпицбергенѣ. Что помогло ему? Его простота и непосредственность; прирожденное, а не выработанное искусственно, сознаніе ничтожности окружающаго калейдоскопа. И гдѣ слѣды этого богатыря-философа? Ихъ почти уже нѣтъ, если не считать остатковъ жалкой землянки въ незначительномъ отдаленіи отъ бушующаго океана,—землянки, около которой природа съ любовью насадила цѣлое поле пахучаго вереска и нѣсколько нѣжныхъ цвѣтовъ прелестнаго, желто-зеленаго мака, да мыса при входѣ въ Эйсфіордъ, названнаго его именемъ. Тутъ же онъ и заснулъ вѣчнымъ сномъ. Только тогда оцѣнишь въ достаточной степени силу и выдержку этого богатыря, когда подумаешь, что четверо людей, будучи снабженными всѣмъ необходимымъ, не испытывавшіе чувства одиночества, послѣ одной зимовки, только въ половинномъ числѣ, вернулись домой. Да Старостинъ осмѣялъ бы этихъ несчастныхъ. Что значатъ Нансены, Джэксоны и Андрэ сравнительно съ нимъ! Вотъ бы кому открывать Сѣверный полюсъ! Кто, впрочемъ, знаетъ? Можетъ за 36 лѣтъ онъ тамъ и былъ, посидѣлъ, покурилъ трубочку и вернулся назадъ, не зная о совершенномъ подвигѣ.

Весьма естественно, что въ родѣ Старостиныхъ память объ этомъ, необыкновенномъ своею простотою, человѣкѣ свято, и по праву, хранится, а тѣмъ не менѣе, какъ жалобно-наивно звучитъ прошеніе внука Старостина, — вологодскаго крестьянина Антона, — прошеніе, поданное имъ въ 1871 году Наслѣднику Цесаревичу. „Предки мои, — говоритъ онъ, — происходя изъ новгородскихъ выходцевъ, поселились на Сѣверной Двинѣ. Сколько мнѣ извѣстно изъ разсказовъ, они плавали на Грумантъ еще до основанія Соловецкаго монастыря и имѣли тамъ, на Грумантѣ, избы въ гавани Кломбай [1]) на западномъ берегу острова (Соловецкій монастырь основанъ въ 1435 году, а голландцы въ первый разъ увидѣли Грумантъ въ 1595 году и назвали его Шпицбергеномъ). Послѣдній изъ родственниковъ монхъ Иванъ Старостинъ провелъ тамъ 32 зимы и умеръ въ 1826 году, въ томъ самомъ году, когда начальство наше уступило Норвегіи, безъ всякаго повода, лучшую часть Мурманскаго берега на протяженіи 400 верстъ съ тремя превосходными и никогда не замерзающими гаванями. Одно только милостивое воззрѣніе Вашего Императорскаго Величества на всенижайшее ходатайство мое о томъ, чтобы древній русскій Грумантъ, во вниманіе къ вѣковымъ трудамъ рода Старостиныхъ, положеннымъ ими на этотъ островъ, — трудамъ безпримѣрнымъ въ исторіи всѣхъ народовъ, остался бы русскимъ островомъ, — доставитъ великое счастье всему нашему родному Сѣверу“. Въ результатѣ этого прошенія Старостинъ разсчитывалъ получить „преимущественное право“ на Шпицбергенъ, или хотя бы на одинъ изъ его многочисленныхъ острововъ.

На это прошеніе послѣдовало слѣдующее увѣдомленіе: „по приказанію Г. Управляющаго Министерства внутреннихъ дѣлъ объявляется крестьянину Старостину, вслѣдствіе переданной въ Министерство внутреннихъ дѣлъ всеподданнѣйшей просьбы..., что Старостинъ можетъ, равно какъ и всякій другой русскій подданный, производить на Шпицбергенѣ совершенно свободно и не испрашивая особаго дозволенія отъ русскаго правительства тѣ промыслы, которыми онъ пожелалъ бы заняться, а также устраивать по своему выбору становища и жилища, за исключеніемъ лишь тѣхъ мѣстъ Шпицберген-

---

[1]) Вѣроятно Coals-bay, вторая южная бухта Эйсфіорда, по сосѣдству съ Green Harbour.

скихъ островов, которыя бы оказались уже занятыми норвежцами или иными промышленниками. 31 августа 1871 г. № 2250".

Въ томъ же 1871 году шведскій посланникъ Бьернстьернъ обратился къ русскому правительству съ нотою, въ которой сообщалъ о желаніи его величества короля шведскаго присоединить къ своимъ владѣніямъ островъ Шпицбергенъ, „который до сихъ поръ не принадлежалъ повидимому никакой державѣ", и потому по порученію своего правительства посолъ просилъ извѣстить его, не простираетъ ли наше правительство какихъ-либо правъ и притязаній на эти острова. По случаю этого запроса центральнымъ статистическимъ комитетомъ министерства внутреннихъ дѣлъ была сдѣлана ниже слѣдующая историческая справка:

„Свѣдѣнія, имѣющіяся въ нашихъ лѣтописяхъ о плаваніяхъ русскихъ промышленниковъ въ Сѣверномъ Океанѣ, такъ скудны, что трудно сказать, къ какому времени относится первое знакомство русскихъ съ Шпицбергеномъ. Несомнѣнно однако (см. свидѣтельство Мавро Урбино, писавшаго въ началѣ XVII вѣка), что даже въ самомъ началѣ XVI вѣка русскіе знали уже Новую Землю и зимовали на этомъ островѣ, а въ концѣ XVI вѣка Барентсъ находилъ русскіе кресты и зимовья съ припасами въ самыхъ отдаленныхъ, сѣверовосточныхъ частяхъ острова. Весьма вѣроятно поэтому, что двинцы, которые уже съ XII вѣка плавали по Сѣверному Океану, знали о существованіи Груманта, или Большого и Малаго Бруна (Шпицбергена) гораздо ранѣе, чѣмъ оно сдѣлалось извѣстно Западной Европѣ.

„Первый изъ западно-европейцевъ, посѣтившій Шпицбергенъ и оставившій объ этомъ посѣщеніи письменное свидѣтельство, былъ голландецъ Барентсъ, въ 1596 году [1]). Но быть можетъ потому, что Барентсъ считалъ Шпицбергенъ продолженіемъ Гренландіи, — быть можетъ потому, что слухи объ этой землѣ ранѣе доходили отъ промышленниковъ другихъ націй,—онъ не вступилъ во владѣніе этимъ островомъ отъ имени Голландіи. Затѣмъ, съ самаго начала XVII вѣка, воды, омывающія Шпицбергенъ, посѣщаются множествомъ китобоевъ

[1]) Willoughy, которому англичане приписывали открытіе Шпицбергена, не доходилъ, какъ это доказалъ адмиралъ Литке, далѣе р. Варсиной на Мурманскомъ берегу.

всѣхъ націй. Сперва сюда являлись только суда англійской Московской Компаніи (Muscovy Company), причемъ Компанія получила въ 1613 году королевскую привилегію на исключительное право китобойства у береговъ Шпицбергена; но уже съ 1613 же года, тѣмъ же промысломъ занимаются здѣсь голландцы, французы и испанцы.

„Частые споры и насилія между промышленниками, различныхъ націй, привели наконецъ къ тому, что въ 1619 г. заливы и бухты Шпицбергена подѣлены были между англичанами, голландцами, датчанами, французами, испанцами и гамбуржцами. Имя русскихъ въ этомъ дѣлежѣ не встрѣчается только потому, что русскіе промышленники держались постоянно, предпочтительно, юго-восточныхъ береговъ и острововъ, гдѣ и вели наиболѣе дѣятельный промыселъ, а упомянутый дѣлежъ распространялся только на бухты и заливы западнаго берега.

„Затѣмъ, въ XVII и XVIII вв., китовый промыслъ въ водахъ, омывающихъ Шпицбергенъ съ запада, постоянно усиливался и въ нѣкоторые годы здѣсь собиралось до 250 судовъ всѣхъ націй. Но, несмотря на желаніе всѣхъ народовъ имѣть на берегахъ острова постоянныя станціи и на нѣкоторыя попытки въ этомъ направленіи, ни одному изъ нихъ не удалось сколько-нибудь прочно утвердиться на Шпицбергенѣ. Ни приговоренные къ смерти англичане, ни охотники изъ голландцевъ не могли перезимовать на островѣ; первые предпочли быть казненными на родинѣ, вторые перемерли отъ цынги. Одни только русскіе промышленники, уже въ первой половинѣ XVIII в. (несомнѣнныя свидѣтельства восходятъ къ 1749 г)., добровольно и успѣшно зимовали на Шпицбергенѣ по нѣсколько зимъ сряду. Правительство, съ своей стороны, старалось упрочить здѣсь русскіе промыслы и поселенія, и въ 1764 г., передъ экспедиціей Чичагова, отправило въ „Клосбай“ 10 избъ, амбаръ и баню, которые и были перевезены на казенныхъ и наемныхъ частныхъ судахъ. Во второй половинѣ XVIII в. русскіе промыслы на Шпицбергенѣ правильно организуются и зимовки становятся постоянными; партіи проводятъ здѣсь зиму и только на лѣтніе мѣсяцы (съ мая по октябрь) возвращаются съ добычею въ Архангельскъ. Наконецъ, въ концѣ XVIII в. и въ началѣ нынѣшняго, русскія избы распространились по всѣмъ заливамъ Шпицбергенской группы острововъ, вплоть до самыхъ сѣверныхъ оконечностей.

„И такъ, наиболѣе прочнымъ, почти осѣдлымъ образомъ водворились на Шпицбергенѣ русскіе промышленники, которые, благо-

даря прочной организаціи промысловъ и многолѣтнему знакомству съ островомъ, вели здѣсь обширный моржовый, тюленій и бѣлужій промыслы; въ удачные годы убой доходилъ до 1200 моржей и стольких же бѣлугъ—кромѣ множества пушнаго звѣря. Но съ тридцатыхъ годовъ русскіе промыслы упадали изъ года въ годъ, съ уменьшеніемъ количества моржей и тюленей, и наконецъ, по свидѣтельству шведскихъ ученыхъ, послѣ 1850 года русскіе промышленники уже не были на Шпицбергенѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, норвежскіе промышленники,—впрочемъ, только съ 1819 г. (первая попытка была сдѣлана въ 1795 г., въ сообществѣ съ русскими купцами и со смѣшаннымъ экипажемъ), начали посѣщать островъ и пытались даже проводить здѣсь зиму; впрочемъ, изъ этихъ попытокъ только одна не кончилась смертью всѣхъ зимовавшихъ. Но въ двадцатыхъ годахъ, Шпицбергенскій промыселъ у норвежцевъ шелъ еще очень вяло, такъ какъ ежегодно сюда являлось не болѣе 20 судовъ. Только въ самые послѣдніе годы норвежскіе промышленники дѣятельно посѣщали островъ.

„Наконецъ, съ 1861 г., начинается почти ежегодное отправленіе ученыхъ шведскихъ экспедицій на Шпицбергенъ. Ими описаны почти всѣ берега острова, сняты точныя карты, описаны естественныя богатства острова и такимъ образомъ сдѣлано въ обширныхъ размѣрахъ, такъ сказать, мирное, научное завоеваніе этой группы острововъ.

„Изъ этого бѣглаго очерка видно, что первые открыватели Шпицбергенскихъ острововъ не изъявили притязаній на обладаніе ими; что фактически, въ XVII и XVIII вѣкѣ, англійскіе, голландскіе и прочіе китобои владѣли водами, омывающими западные берега и формальными договорами дѣлили между собою ихъ гавани. Но ни одинъ изъ народовъ, посѣщавшихъ эти острова, не водворился на немъ сколько-нибудь прочно. Въ XVIII же вѣкѣ, русскіе промышленники явились какъ бы дѣйствительными хозяевами Шпицбергена; они устроили свои довольно прочныя поселенія тамъ, гдѣ находили это удобнымъ; ихъ промыслы были правильно организованы и существовали постоянно, а ихъ поселенія представляли даже признаки осѣдлости. Начиная же съ тридцатыхъ годовъ, русскіе промышленники перестали посѣщать Шпицбергенъ. Причины этого упадка нашихъ промысловъ,—замѣчаемаго, въ то же время, и въ Новой Землѣ,—остаются плохо разъясненными. Быть можетъ, онъ обусловленъ уменьшеніемъ

въ количествѣ звѣря, которое дѣйствительно стало рѣзко замѣтно послѣ усиленныхъ промысловъ двадцатыхъ годовъ. Быть можетъ, онъ зависитъ отчасти отъ конкурренціи норвежцевъ, которые, являясь раньше, чѣмъ это могутъ сдѣлать суда, выходящія изъ Архангельска, распугивали звѣря до прихода русскихъ судовъ. Но, во всякомъ случаѣ, періодическія колебанія въ размѣрѣ промысловъ замѣчаются на всемъ Сѣверѣ и достаточно объясняются условіями размноженія моржей и тюленей.

„Тотъ же упадокъ замѣчается, въ то же время, и въ Новоземельскихъ промыслахъ, причемъ въ самые послѣдніе годы снова замѣтно оживленіе этихъ промысловъ, которое можетъ довести ихъ до прежнихъ размѣровъ, если тому не помѣшаетъ конкуренція норвежцевъ. Поэтому есть полное основаніе думать, что прекращеніе шпицбергенскихъ промысловъ есть явленіе только временное и что черезъ нѣсколько лѣтъ, поморы снова начнутъ ходить на Грумантъ,—особенно при развитіи между ними китоваго промысла,—если не встрѣтятъ тому внѣшнихъ препятствій. Но, какъ видно изъ опыта и всей исторіи промысловъ, а равнымъ образомъ и изъ желанія скандинавскаго правительства завести постоянныя колоніи на Шпицбергенѣ, успѣшный промыселъ можетъ вестись только при условіи существованія складочныхъ пунктовъ и зимовьевъ на берегахъ острова.

„Въ силу всего сказаннаго выше, слѣдуетъ думать, что безусловный отказъ Россіи отъ всякихъ правъ на Шпицбергенскіе острова можетъ стѣснить дальнѣйшее развитіе нашихъ сѣверныхъ промысловъ.

„Конечно, эта группа острововъ, уже по самому своему положенію, составляетъ какъ бы естественную принадлежность Скандинавскаго полуострова; постоянное посѣщеніе норвежцами въ послѣдніе годы этой группы дѣлаетъ весьма желательнымъ для промышленниковъ этой страны существованіе на островѣ постоянной колоніи, которая, въ свою очередь, можетъ получить прочное развитіе лишь подъ условіемъ охраны ея безопасности правительствомъ какой-нибудь державы. Наконецъ, Швеція, посылкою своихъ замѣчательныхъ ученыхъ экспедицій, такъ много сдѣлала для ознакомленія и изученія этой группы острововъ, что тѣмъ самымъ пріобрѣла права на нее, которыхъ не имѣетъ никакой другой народъ: по этимъ и исчерпывается право Швеціи на Шпицбергенскіе острова, тогда какъ право давности

занятія и водворенія несомнѣнно принадлежитъ русскому народу болѣе, чѣмъ какому-либо другому" [1]).

Такъ или иначе, но изъ приведенной справки очевидно, что Шпицбергенъ имѣетъ счастіе никому не принадлежать, начальства на немъ пока никакого нѣтъ,—обстоятельство, которымъ нѣкоторые ловкачи въ родѣ капитана Бада (рѣчь о немъ впереди) и пользуются, отпечатавъ мѣстныя, шпицбергенскія, почтовыя марки собственнаго изобрѣтенія (бѣлый медвѣдь на заднихъ лапахъ, въ котораго цѣлится охотникъ).

---

1) Русское Судоходство 1898 года.

ГЛАВА VI.

Экскурсіи. Прибытіе принца Монакскаго. Цѣль его экспедиціи; его спутники. Знакомство съ принцемъ. Воспоминаніе о Карлѣ Фоггѣ. Посѣщеніе вмѣстѣ съ нимъ Монакскаго княжества. Капитанъ Бадъ на Шпицбергенѣ.

Экскурсіи на сушѣ и по морю поглощаютъ все время; слѣдуя изгибамъ берега, собираемъ разную выброшенную волною живность, причемъ мы находимся постоянно въ компаніи цѣлой стаи куликовъ, которые толпою бѣгутъ впереди насъ, въ разстояніи 5-ти—6-ти шаговъ. Мы останавливаемся—и они тоже, возвращаемся—кулики перелетаютъ черезъ наши головы и снова становятся авангардомъ. Въ особенности привязался къ намъ одинъ куликъ, потерявшій самку: куда бы мы ни показались, онъ какъ изъ земли выросталъ. Подъ конецъ нашего пребыванія примѣру куликовъ до нѣкоторой степени послѣдовали дикія утки; однимъ словомъ, мы шли навстрѣчу природѣ, которая если не раскрывала намъ своихъ объятій, то-во всякомъ случаѣ уже не поворачивала къ намъ спины. Каждый день усиливалъ сознаніе того, что уходишь въ природу, обезличиваешься, и это сознаніе, въ силу необъяснимаго противорѣчія, было для меня (а можетъ-быть и для насъ?) источникомъ непередаваемаго наслажденія. Затѣмъ часто не только мелькала, но и досаждала мысль: смерть, являющаяся высшимъ выраженіемъ такого же обезличенія, только съ точки зрѣнія нашей, до мозга костей прогнившей культуры, въ нашихъ столицахъ, при электрическомъ освѣщеніи, можетъ представляться отвратительною и страшною, а тамъ, въ полномъ одиночествѣ, на краю безбрежнаго океана, не является ли она всестороннимъ завершеніемъ духовнаго удовлетворенія; если не сознательно, то уже навѣрное, безсознательно, такою её понималъ Старостинъ.

Въ собираніяхъ и размышленіяхъ время идетъ правильно и однообразно и мы съ тоскою думаемъ, что минута отъѣзда не за горами; наше существованіе, впрочемъ, иллюстрируется нѣкоторыми вводными эпизодами, къ числу которыхъ нельзя не отнести появленія въ водахъ Шпицбергена принца Монакскаго съ его собственною яхтою „Princesse Alice". Еще передъ отъѣздомъ я слышалъ, что принцъ Монакскій собирается этимъ лѣтомъ посѣтить, съ научною цѣлью, Шпицбергенъ, а затѣмъ уже на доставившемъ насъ „Лофотенѣ" я узналъ отъ капитана, что онъ везетъ большую корреспонденцію принцу въ Адвентъ-бай, куда его ожидаютъ въ непродолжительномъ будущемъ. И вотъ однимъ прекраснымъ утромъ, когда наши тартарены, за утреннимъ чаемъ, строили волшебные замки по поводу предстоящей имъ охоты на прибрежныхъ чаекъ, мы съ изумленіемъ увидѣли толпу незнакомыхъ намъ, культурныхъ по виду, людей, приближавшихся къ нашему отелю; въ числѣ послѣднихъ оказался мой хорошій пріятель Jules Richard, завѣдующій наукою (dirige la science) при особѣ принца. Дружески поздоровавшись съ Ришаромъ, я затѣмъ отправился къ принцу на судно, которое своимъ элегантнымъ и стройнымъ видомъ какъ-то не гармонировало съ дико-хаотическимъ пейзажемъ окружающихъ береговъ. На суднѣ оказалась цѣлая толпа людей, занимавшаяся разными спеціальными вопросами (une académie flottante, какъ они сами говорили про себя); изъ ихъ числа кромѣ Ришара я уже издавна зналъ нѣкоего Карла Брандта, состоящаго въ настоящее время профессоромъ зоологіи въ Килѣ, а съ другими познакомился тутъ же. Между послѣдними оказался очень длинный, но очень милый англичанинъ (уже пожилой человѣкъ) лордъ Букананъ, сквайръ, богатый человѣкъ, составившій себѣ имя изслѣдованіями морскихъ теченій; затѣмъ молодой человѣкъ съ матовымъ лицомъ и задумчивымъ взоромъ—мистеръ Бруссъ (homme polaire), участвовавшій уже въ антарктической экспедиціи и проведшій цѣлыхъ полтора года (зимовавшій, слѣдовательно, два раза) на землѣ Франца-Іосифа, входя въ составъ экседиціи Джэксона. На мой вопросъ о температурѣ и климатѣ, онъ мнѣ отвѣчалъ, что лѣто тамъ мало отличается отъ шпицбергенскаго (такъ же много цвѣтовъ), зима же, вѣроятно, не холоднѣе, чѣмъ у насъ бываетъ въ Екатеринбургѣ (между 40—50°) [1]). На суднѣ, кромѣ

---

[1]) Съ Земли Франца Іосифа привезены были Бруссомъ богатыя коллекціи; между прочимъ, тамъ оказалось, по его заявленію, двѣнадцать видовъ птицъ, изъ

того, находились два-три молодыхъ ассистента, а также искусный акварелистъ (синьоръ Лавателли), который тотчасъ же набрасываетъ красками все, болѣе или менѣе достойное вниманія;—все очень милая, веселая и симпатичная компанія.

Судно внутреннимъ своимъ устройствомъ отвѣчало внѣшнему виду, т.-е. оказалось щегольски отдѣланнымъ (мѣдь и красное дерево были съ иголочки); каюты и общій салонъ поражали изяществомъ и комфортомъ. Лабораторія, занимающая значительное помѣщеніе, снабжена качающимися столиками, положеніе которыхъ, при волненіи, остается горизонтальнымъ. Всѣ эти особенности не мѣшали, однако, судну быть неважнымъ ходокомъ и очень качкимъ, на что вся ученая компанія ужасно жаловалась.

Чрезъ полчаса ожиданія, я, наконецъ, предсталъ предъ свѣтлыя очи принца, который за послѣдніе годы оказался значительно постарѣвшимъ, съ еще болѣе замѣтнымъ, меланхолическимъ оттѣнкомъ довольно привлекательнаго лица. Выразивши изумленіе по поводу неожиданной встрѣчи, принцъ началъ мнѣ говорить о цѣляхъ своей поѣздки. Задача экспедиціи сводится, во-первыхъ, къ собиранію различнаго рода коллекцій и, во-вторыхъ, къ наблюденію надъ морскими теченіями,—спеціальность, которою принцъ занимается уже въ продолженіе многихъ лѣтъ; своимъ мѣстомъ въ Institut онъ обязанъ ей. Что касается первой задачи, то пока результаты получились, если не отрицательные, то во всякомъ случаѣ неутѣшительные, такъ какъ драгированіе (добываніе живыхъ организмовъ съ морского дна) показало, что на днѣ полярнаго моря животныхъ мало. На небольшой глубинѣ животная жизнь еще имѣетъ своихъ представителей (ежей, звѣздъ, молюсковъ), но уже на глубинѣ 1,500 метровъ дно океана покрыто густымъ, вязкимъ иломъ, перемѣшаннымъ съ гравіемъ, въ которомъ уже нѣтъ признаковъ живыхъ существъ, тогда какъ обыкновенно въ немъ кишитъ различнаго рода живность. Изъ Адвентъ-бая экспедиція двинется въ область вѣчнаго льда, мѣстонахожденіе котораго постоянно мѣняется, смотря по температурѣ лѣта [1]). Къ сожалѣнію, далеко вдаваться въ область вѣчнаго льда онъ, на „Princesse Alice“, не рискуетъ,

---

которыхъ пять видовъ оказались новыми — фактъ необычайный въ предѣлахъ именно этого класса.

[1]) Вообще же 81° нужно считать предѣльнымъ, т. е. приблизительно въ этихъ предѣлахъ встрѣчается уже материковый ледъ.

такъ какъ ея корпусъ не деревянный, какъ это необходимо для настоящаго, сѣвернаго судна, а желѣзный, могущій легко погнуться. Механикъ мнѣ еще ранѣе говорилъ, что судно подвергалось уже значительному риску, поднявшись отъ Медвѣжьяго Острова вдоль восточныхъ береговъ Шпицбергена, гдѣ оно уже сталкивалось съ значительными ледяными горами, которыя могли раздавить его, какъ скорлупу.

Что касается второй цѣли, т. е. изслѣдованія теченій и температуръ, то принцъ желаетъ провѣрить наблюденія Нансена, согласно которымъ рукавъ Гольфстрема, у береговъ Сибири, спускается съ поверхности въ глубь океана, вслѣдствіе чего получается то удивительное явленіе, что температура воды у поверхности ниже 0° (доходитъ до—1 $^1/_2$° С.), тогда какъ на нѣкоторой глубинѣ она имѣетъ + $^1/_2$° С. То же явленіе, по мнѣнію принца, должно имѣть мѣсто и съ тѣмъ рукавомъ Гольфстрема, который направляется, мимо береговъ Шпицбергена, къ полюсу.

Послѣ осмотра судна и завтрака принцъ въ разговорѣ предложилъ мнѣ присоединиться къ его экспедиціи. Предложеніе было соблазнительно, такъ какъ ближайшею задачею являлось драгированіе на глубинѣ 4—5 тысячъ метровъ у сѣверныхъ береговъ Шпицбергена, съ предоставленіемъ всего зоологическаго матеріала въ мое распоряженіе; далѣе экспедиція должна была направиться къ берегамъ Исландіи и уже затѣмъ вернуться въ Гавръ. Принявъ, однако, во вниманіе необходимость присутствовать на X съѣздѣ естествоиспытателей въ Кіевѣ, а также и позднее время года, совпадающее обыкновенно съ началомъ бурной погоды (въ особенности у береговъ Исландіи), я счелъ за лучшее уклониться отъ этого заманчиваго предложенія. Распростившись, я вернулся къ обычнымъ занятіямъ. „Princesse Alice" развела пары и ушла въ просторъ Эйсфіорда для изслѣдованія одной изъ ближайшихъ большихъ бухтъ—Сассенъ-бай.

Эта случайная встрѣча съ принцемъ Монакскимъ невольно приводитъ мнѣ на память мое первое знакомство съ нимъ—лѣтъ восемь или девять тому назадъ. Знакомствомъ этимъ я обязанъ покойному Карлу Фогту, извѣстному швейцарскому естествоиспытателю и энциклопедисту, другу А. И. Герцена, о которомъ онъ всегда много и охотно разсказывалъ. Помнится, въ 1891 году, въ одно чудное январь-

ское утро, когда море сверкало подъ жаркими лучами ниццскаго солнца, ко мнѣ (на зоологической станціи въ Вилла-Франкѣ) рано постучался Фогтъ. Какъ сейчасъ вижу его широкое лицо, густо обрамленное посѣдѣвшею шевелюрою, съ косыми, постоянно смѣющимися глазами и съ саркастическою улыбкою на толстыхъ губахъ. „Son altesse sérénissime est arrivéé; il faut que nous allions la voir".—объявилъ онъ и сталъ просить, чтобы я его сопровождалъ. Дѣло въ томъ, что старикъ Фогтъ, которому въ то время было уже подъ семьдесятъ лѣтъ, собирался, и даже долженъ былъ, выйти въ отставку, такъ какъ въ Швейцаріи сорокъ лѣтъ службы считается предѣльнымъ возрастомъ.

— Да, — не разъ жаловался мнѣ Фогтъ, — вотъ я работалъ и трудился цѣлую жизнь, зарабатывая около тридцати тысячъ франковъ въ годъ, всѣ ихъ проживалъ и что же въ результатѣ; приходится умирать чуть не съ голода, такъ какъ наше милое правительство дастъ мнѣ, въ видѣ исключительнаго вознагражденія за мои ученыя заслуги, какихъ-нибудь тысячи двѣ франковъ въ годъ пенсіи" (въ Швейцаріи вообще пенсіи не полагается). Въ виду изложенныхъ обстоятельствъ, Фогтъ былъ очень радъ, когда администрація рулетки въ Монте-Карло для вящшаго привлеченія публики вздумала устроить грандіозный акварій и обратилась къ нему за содѣйствіемъ. Итакъ, нашъ визитъ принцу долженъ былъ стоять въ связи съ вопросомъ объ акваріи.

Высадившись въ Монако среди шума и гама разнородной публики, мы пологою и ступенчатою дорожкою поднялись ко дворцу, расположенному среди старыхъ укрѣпленій, увитыхъ плющемъ и ярко цвѣтущимъ Mesembrianthemum, и доминирующему надъ всѣмъ полуостровомъ, съ гудящимъ внизу городомъ. Переходя изъ рукъ въ руки, мы наконецъ добрались до пріемной, въ которой насъ встрѣтилъ франтоватый адъютантъ. „Voilà une quincaillerie",—прорычалъ Фогтъ, увидѣвъ цѣлый ассортиментъ разнообразныхъ и пестрыхъ орденовъ, украшавшихъ грудь адъютанта. Чрезъ нѣсколько минутъ мы были представлены принцу, который выглядѣлъ красивымъ брюнетомъ лѣтъ сорока, съ грустною улыбкою и гамлетовскимъ обликомъ. „Этому человѣку пришлось много пережить", — невольно приходило на мысль. Въ дѣйствительности, его семейныя невзгоды и непрерывные нападки на него изъ-за рулетки не могли не отразиться на

мягкомъ и уступчивомъ характерѣ и не оставитъ отпечатка на его наружности [1]).

— Я очень сожалѣю,—сказалъ онъ намъ послѣ обычныхъ привѣтствій,—что до сихъ поръ не могъ возобновить мои изслѣдованія глубоководной фауны.

— Надѣюсь, что не государственныя заботы вамъ въ томъ помѣшали,—съ непріятнымъ смѣхомъ возразилъ ему Фогтъ.

— Вы напрасно думаете,—отвѣтилъ обиженно принцъ,—что мое положеніе здѣсь—синекура.

Видя, что разговоръ принимаетъ неловкій оборотъ и что Фогтъ каждымъ словомъ губитъ собственное дѣло, я поспѣшилъ вмѣшаться, предложивъ какой-то посторонній вопросъ. Вскорѣ послѣдовалъ завтракъ, не настолько обильный, насколько церемонный, настроившій Фогта уже окончательно пессимистически. Послѣ завтрака мы направились въ чудный тропическій садъ, примыкающій къ дворцу съ сѣверной стороны и разбитый на развалинахъ бывшихъ прежде здѣсь укрѣпленій, и здѣсь-то Фогтъ совсѣмъ некстати и неудержимо сталъ вспоминать прошлое.

— Помню я, — началъ онъ, — порядки здѣсь въ княжествѣ въ сороковыхъ годахъ, когда ваше мѣсто занималъ вашъ предокъ Гонорій IV. Что за жалкое было время: объ игорномъ домѣ еще помина не было, и для того, чтобы раздобыться деньгами, онъ долженъ былъ прибѣгнуть къ чрезвычайнымъ налогамъ, но и этого не хватало; тогда пришлось установить различныя монополіи. Что прикажете дѣлать: княжество руководилось принципомъ: non vino, non olio, ma vivere volio, а потому сперва хлѣбъ, печеный изъ испорченной муки, спеціально привозимой изъ Марселя, продавался государствомъ; далѣе дошло до того, что правительство продавало за свой счетъ платье, и уголовнымъ преступленіемъ считалось пріобрѣтеніе монополизированныхъ предметовъ за предѣлами княжества.

Видя, что дѣло Фогта окончательно проиграно и что объ акваріи даже рѣчи заводить не стоитъ, я сталъ прощаться, чему принцъ, видимо, обрадовался.

---

[1]) Что касается рулетки, то въ оправданіе принца нужно сказать, что врядъ ли онъ могъ бы ее уничтожить и не подписать контракта съ администраціею казино; въ существованіи рулетки заинтересовано все населеніе княжества и революція была бы обязательнымъ послѣдствіемъ уничтоженія ея. Огромныя средства, которыми принцъ располагаетъ, онъ въ значительной степени тратитъ на ученыя предпріятія.

На обратномъ пути мой старикъ былъ необыкновенно сумраченъ и только подъѣзжая къ Болье, онъ вдругъ прояснился; его видимо осѣнила новая мысль. „Vous savez quoi,—обратился онъ ко мнѣ шутя,—nous avons eu faim chez un roi, nous allons nous rattraper chez un bourgeoit“.

Съ этими словами мы вышли изъ вагона и направились въ Монрепо нашего милаго соотечественника и добраго пріятеля М. М. К.

Въ другой разъ наше монотонное существованіе нарушено было непріятно-рѣзкимъ, отразившимся въ горахъ, звукомъ пароходной трубы. Кидаемся къ окну и видимъ, совсѣмъ у берега, бѣгущій пароходъ съ многоголовою публикою, среди которой виднѣются пестрые зонтики, дамскія шляпки. Вся эта ярмарочная толпа высыпала вскорѣ на берегъ и волною захватила нашу крошечную Турнстенхюте. Этотъ натискъ буржуазной культуры показался мнѣ оскверненіемъ и безобразнымъ насиліемъ надъ чуднымъ, пуритански-суровымъ Шпицбергеномъ. То былъ капитанъ Бадъ, который ежегодно два или три раза въ лѣто заарендовываетъ въ Гамбургѣ пароходъ и возитъ туристовъ чуть ли не къ сѣверному полюсу, взимая за это значительную мзду (отъ 1,000—1,500 марокъ за мѣсячное путешествіе). Не лишенъ интереса самъ капитанъ — широкая, коренастая фигура съ бронзовымъ лицомъ и маленькими, бѣгающими глазками, — типъ отважнаго авантюриста, который не мало перенспыталъ на своемъ вѣку [1]), теперь же сколачиваетъ себѣ копѣйку на старость.

---

[1]) Бадъ принадлежалъ къ экипажу клипера „Ганза“, которая подъ командою капитана Хегемана и вмѣстѣ съ „Германіею“ участвовала въ 1869 году въ нѣмецкой, полярной экспедиціи. У восточнаго берега Гренландіи „Ганза“ отдѣлилась отъ „Германіи“, попала въ материковый ледъ, была имъ затерта и раздавлена вскорѣ послѣ того, какъ экипажъ, въ предвидѣніи этого обстоятельства, перебрался на льдину и здѣсь, изъ льда, снѣга и прессованнаго, каменнаго угля выстроилъ себѣ хижину. 14 человѣкъ, составлявшихъ экипажъ, въ теченіе цѣлыхъ 237 дней оставались на льдинѣ, будучи гонимы на югъ вдоль берега Гренландіи, претерпѣвая холодъ и голодъ, бури и непогоду. Льдина, имѣвшая сперва цѣлыхъ двѣ квадратныхъ мили, разломалась вскорѣ на нѣсколько кусковъ, и затѣмъ, въ одну бурную ночь, образовалась трещина, которая прошла чрезъ хижину несчастныхъ скитальцевъ, и оторванная такимъ образомъ половина унесла съ собою значительную часть жизненныхъ припасовъ, одѣялъ, одежды и горючаго матеріала. Въ концѣ-концовъ льдина сдѣлалась такъ мала, что колебалась какъ судно и такъ хрупка, что угрожала ежеминутно развалиться. Въ столь крайней нуждѣ экипажъ долженъ былъ перебраться въ двѣ небольшія, сохранившіяся у нихъ лодки, на которыхъ, въ отчаянной борьбѣ съ непогодою и угрожавшими имъ льдинами, пробылъ цѣлыхъ четыре недѣли, пока не добрался до южной оконечности Гренландіи и, находившагося тамъ, становища эскимосовъ.

ГЛАВА VII.

Послѣдніе часы пребыванія на Шпицбергенѣ. Трудная дилемма. Оставшіеся зимовать на Шпицбергенѣ; опасности, которымъ они, при этомъ, подвергаются. Прощаніе.

Мнѣ нерѣдко приходилось задаваться вопросомъ: имѣетъ ли авторъ право надоѣдать читателю своимъ *я*, открывая ему свой душевный міръ съ его сомнѣніями, радостями и страданіями (хотя бы и физическими), и всякій разъ я мысленно говорю себѣ: да, да и тысячу разъ да. Право это заключается въ томъ, что только субъективизмъ одухотворяетъ окружающее, отдавая ему частицу своей души. Богъ съ нею, съ этою объективною сухомятиною, перепутанною цифрами, точными данными и всякими изсушающими душу изобрѣтеніями ума человѣческаго; а потому да не посѣтуетъ на меня читатель, если это *я* будетъ сквозить въ эпилогѣ моего разсказа замѣтнѣе, чѣмъ это было раньше.

Въ результатѣ различныхъ эксцессовъ, т. е. скитаній по горамъ и по морю, не разбирая дурной и хорошей погоды, радуясь тому, что мы имѣемъ въ распоряженіи 24-хъ-часовый день, мы, т. е. я и мой спутникъ Ю. Н. Семенкевичъ, истомились на десятый день нашего пребыванія на Шпицбергенѣ до послѣдней степени. Съ часу на часъ ждемъ парохода, который долженъ забрать не только насъ, но чуть ли не всю „Туристенхютте“, т. е., по крайней мѣрѣ, весь живой и мертвый скарбъ съ собою. Свистокъ парохода стоитъ у каждаго изъ насъ въ ушахъ, съ минуты на минуты ожидая матеріальнаго своего осуществленія. Силы наши надорваны, нервы напряжены до невозможности, а тутъ, какъ нарочно, приходится бороться съ наступающимъ на насъ множествомъ банокъ, стклянокъ, съ гербаріемъ, инстру-

ментами; все это нужно завязать, уложить. Голова идетъ кругомъ и руки отпадаютъ. Приступаю храбро, и можетъ-быть даже слишкомъ храбро, къ дѣлу. Результатомъ храбрости является моментально наступающій припадокъ тахикардіи. Знаете ли вы, читатель, что это такое? Это вотъ что: сердце какъ-будто срывается съ крючка и съ тэмпа въ 60 ударовъ переходитъ, моментально, на 160, 170 и даже 180 ударовъ въ минуту; лежишь ни живъ, ни мертвъ, испытывая адское стѣсненіе въ груди. И такъ проходятъ и часъ, и два, и десять. Спокойствіе въ такихъ случаяхъ прежде всего, а тутъ каждую минуту слышится скрипъ лѣстницы, ведущей къ намъ въ мансарду, и въ люкѣ показывается чья-нибудь любопытная голова. Въ такомъ состояніи перебраться на пароходъ—значитъ очень скоро вступить въ ближайшее знакомство съ жадными акулами и другими чудовищами. Итакъ: ѣхать или оставаться, обрекая себя въ этомъ послѣднемъ случаѣ на страшную восьмимѣсячную ночь, лицомъ къ лицу съ ужасами полярной природы,—дилемма, хотя и личная, а тѣмъ не менѣе трудная. Однако, что же лучше: вѣчный или восьмимѣсячный мракъ? Какъ для кого: я предпочелъ второй.

А тутъ океанъ за стѣнкою зло и неустанно реветъ и клокочетъ.

Остановившись на мысли зазимовать,—мысли, которая до maximum'а, до полной потери пульса, усилила припадокъ тахикардіи, я быстро почувствовалъ утѣшеніе: „вѣдь не я первый и не я послѣдній, зимующій на Шпицбергенѣ". Затѣмъ молніею въ мозгу промелькнула мысль: „Какъ чудно-хороша, какъ восхитительна абсолютная, ничѣмъ не стѣсняемая, восьмимѣсячная свобода! Хоть на-время покинуть свойственную всѣмъ намъ роль мухи, которая совершенно безнадежно бьется въ житейскихъ тенетахъ! Не читать газетъ, не получать почты, не ѣздить на электрическомъ трамѣ,—о, какъ это все соблазнительно"!

А тутъ океанъ съ каждою минутою все злѣе и злѣе реветъ, стонетъ и мечется.

Жутко подумать, но какъ будетъ удивительно то общеніе, которое установится съ окружающею природою, которая, вѣроятно, станетъ мнѣ доброю и нѣжною матерью. Опять чудное, полное радостей дѣтство съ его серебрянымъ смѣхомъ, живительнымъ сномъ и непосредственностью. И я не только примирился, но всѣмъ сердцемъ обрадовался принятому рѣшенію остаться зимовать на Шпицбергенѣ.

А тутъ океанъ все злѣе и злѣе и реветъ; къ этому реву прибавились еще какіе-то, пронзительные звуки, точно дикое лязганіе желѣзныхъ цѣпей.

Снова идиллія: тѣ милыя отношенія, которыя установились у насъ съ прибрежными куликами, вѣдь несомнѣнно перейдутъ и на всю остальную органическую, а можетъ, и неорганическую природу. Сѣверный олень будетъ рогами стучаться ко мнѣ въ окошко; я выйду на его зовъ, увижу его глупую, но добрую морду, загляну въ его прозрачные и нѣсколько таинственные глаза. Вдругъ все это освѣтится магическимъ и разноцвѣтнымъ, сѣвернымъ сіяніемъ, на фонѣ котораго вырисуется флегматическая фигура бѣлаго медвѣдя; точно добродушный лѣшій изъ того же чуднаго дѣтства. Между нами тоже не будетъ ни вражды, ни ненависти. Зачѣмъ онѣ?

А тутъ океанъ все злѣе и злѣе реветъ, но—чу!—кромѣ лязганья къ нему примѣшался еще какой-то рѣзкій звукъ, это—свистокъ приближающагося парохода. О, какъ похолодѣло на сердцѣ!

Затѣмъ снова забытье: вѣдь по той сторонѣ Эйсфіорда уже катафалкъ приготовленъ; между мрачными, траурными скалами уже погребальная пелена разостлана. Не я ли то огромное, мертвое тѣло, которое мнѣ почудилось въ минуту пріѣзда? И вдругъ мнѣ стало ужасно смѣшно отъ этой странной мысли.

Опять тяжелые шаги по лѣстницѣ: является командиръ „Лофотена" и объявляетъ, что пробудетъ съ пароходомъ не менѣе сутокъ. Итакъ, можетъ-быть, я успѣю за это время придти въ себя, а сердце вернуться къ обычной дѣятельности; и—увы!—въ самомъ дѣлѣ, чрезъ нѣсколько часовъ томительной муки, сердце моментально успокаивается и болѣзненныя представленія полярной ночи, переполненной моржами, китами, лѣшими и бѣлыми медвѣдями, сразу блѣднѣютъ и затѣмъ пропадаютъ.

На берегу бухты наше вниманіе невольнымъ образомъ обращали на себя два, изъ досокъ сколоченныхъ, барака, возлѣ которыхъ во множествѣ валялись слѣды охотничьихъ подвиговъ ихъ обитателей: цѣлыхъ ворохъ оленьихъ роговъ, нѣсколько такихъ же шкуръ, жалкій, ободранный остовъ тюленя, перья битой птицы. Въ этихъ баракахъ жили двѣ норвежскія семьи, состоявшія изъ четырехъ мужчинъ, двухъ женщинъ и одного ребенка: мужчины—тяжелые, угловатые, женщины—

безцвѣтныя, съ льняными волосами. Цѣлый день вокругъ бараковъ господствовала усиленная дѣятельность, вечеромъ же оттуда неслись заунывные и непривлекательные звуки норвежской пѣсни. И вотъ предъ отъѣздомъ мы узнаемъ, что ихъ обитатели хотятъ попытать счастіе (!), оставаясь зимовать на Шпицбергенѣ и перебравшись въ опорожненную „Турстенхютте". На ихъ родинѣ существованіе дается тоже не даромъ: мракъ, холодъ, голодъ являются постоянными спутниками долгой и надоѣдливой, норвежской зимы. На Шпицбергенѣ же голода опасаться нѣтъ причины, такъ какъ мѣстная дичь—сѣверные олени, зимой во множествѣ, изъ внутреннихъ частей острова, перебираются къ

Рис. 9. **Охотничій баракъ.**

берегу океана, гдѣ снѣга не такъ глубоки и гдѣ есть возможность изъ-подъ снѣжнаго покрова добывать хоть и скудный, но все-же кормъ. Что касается до бѣлаго медвѣдя, то охота на него, вслѣдствіе сильно поднявшейся за послѣдніе годы цѣны на мѣхъ, является очень прибыльной, не представляя значительной опасности [1]). Рыбы въ формѣ

[1]) Лучшимъ доказательствомъ переданнаго можетъ служить эпизодъ, разсказанный Нансеномъ. Бѣлый медвѣдь, подмявъ подъ себя его спутника Іогансена и будучи отвлеченъ лаемъ шавки, спокойно дожидался того, чтобы Нансенъ, тоже не спѣша, всадилъ ему пулю въ лобъ. Разсказъ этотъ, напоминающій въ значительной степени подвиги барона Мюльгаузена, былъ однако печатно подтвержденъ самимъ виновникомъ происшествія – Іогансеномъ.

дивной лососины много и стоитъ только, съ вечера, раскинуть сѣти для того, чтобы на слѣдующее утро имѣть нѣсколько полновѣсныхъ экземпляровъ. Холода также опасаться нѣтъ причины, такъ какъ температура ниже—20° R. рѣдко падаетъ, да и кромѣ того весь берегъ моря усѣянъ выброшенными обрубками или даже бревнами, явившимися или результатомъ крушенія, или принесенными съ американскаго континента. И тѣмъ не менѣе мы всѣ, уѣзжающіе, не могли безъ страха и жалости смотрѣть на сосредоточенныя фигуры остающихся; бояться все-же было чего: „Туристенхютте" сколочена хотя и изъ толстыхъ, но все же досокъ, не имѣя при этомъ, ни постоянныхъ печей, ни двойныхъ рамъ. Всѣ эти дефекты зимняго жилища новые обитатели собирались возмѣстить тѣмъ, чтобы обить стѣны оленьими шкурами, какъ внутри, такъ и снаружи, замкнувшись въ кухнѣ и прилегающей къ ней одной комнаткѣ.

Вотъ уже гулко прозвякалъ второй звонокъ, цѣпь, поднимающая якорь, начала непріятно дребезжать; изъ верхней рубки вышелъ капитанъ и сталъ хмуро посматривать на улегшійся-было, а затѣмъ снова расходившійся океанъ. Сходни подняты и отъ парохода отчалилъ баркасъ, съ остающейся на Шпицбергенѣ горстью людей; женщины громко плакали, мужчины, какъ-будто, равнодушно глядѣли вдаль, отвернувшись отъ насъ для того, чтобы скрыть враждебно-завистливые взгляды. Короткій третій звонокъ,—и мы удаляемся.

Мелкій сырой туманъ неожиданно охватилъ окрестность, но затѣмъ, когда разрѣдѣлъ, мы увидѣли кучку людей, стоящихъ на берегу: мужчины—поодаль, женщины же у самой воды усиленно махали платками, поминутно прикладывая ихъ къ глазамъ. Ребенокъ растерянно растопырилъ ноженки, собака же всѣхъ громче выражала свое отчаяніе воемъ и безцѣльно металась по берегу.

Представленіе о томъ, что мы заживо хоронимъ этихъ несчастныхъ, невольно складывалось въ мозгу каждаго изъ насъ; на прощанье затрещали винтовки, а вскорѣ и люди, и берегъ, а наконецъ и Шпицбергенъ канули въ то прошлое, съ которымъ насъ связываютъ—увы!—только одни воспоминанія.

ГЛАВА VIII.

Возвращеніе со Шпицбергена. Скалы Европейскаго материка. Китовый заводъ и его устройство. Промышленность. Породы китовъ и охота на нихъ. Пушка Свендъ-Фойна. Истребленіе китовъ.

Опять эти мутныя, шершавыя волны лѣзутъ и лижутъ своими мокрыми языками наше утлое суденышко, которое отъ этой непрошенной ласки кряхтитъ и болѣзненно стонетъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ хуже: пѣнистые гребни поднимаются все выше и выше, добираются до палубы и, бѣшено обдавая ее, заключаютъ насъ въ свои холодныя объятія. Подъ аккомпаниментъ не жалобно, а грозно воющаго вѣтра нашъ „Lofoten“ начинаетъ свою инфернальную пляску: все живое прячется, стараясь куда-нибудь уткнуться; все мертвое, напротивъ, стремится къ свободѣ: стулья безпрепятственно гуляютъ по каютъ-компаніи, совершая удивительные salto-mortale, посуда поднимаетъ звонкую болтовню и въ такомъ хаотическомъ вихрѣ, мы, пассажиры, остаемся безъ пищи, сна и движенія цѣлыхъ трое съ половиною сутокъ (вмѣсто двухъ).

Но вотъ и Европа; сперва что-то безформенное и маленькое показалось на горизонтѣ; затѣмъ очертанія становятся опредѣленнѣе и вскорѣ намъ на встрѣчу дружно выдвигаются одна за одною, точно родныя сестры, сѣрыя, голыя скалы. По мѣрѣ приближенія онѣ прихорашиваются, стараясь скрыть свою наготу подъ яркими пятнами свѣжей зелени. Привѣтливо улыбаясь, онѣ озаряются послѣдними лучами уже заходящаго для насъ солнца, которое, покраснѣвъ за свою измѣну, вотъ-вотъ скроется и мы, за наше десятидневное пребываніе на Шпицбергенѣ привыкнувъ и освоившись съ его неизмѣннымъ, спокойнымъ и лучезарнымъ величіемъ, ощущаемъ въ

душѣ, словно, какую-то странную жалость. Смѣшно и совѣстно становится за свое приподнятое настроеніе, но вскорѣ все забываешь, впиваясь глазами въ чудную картину и всею душою понимаешь и видишь античныхъ людей, когда они въ бѣлыхъ одеждахъ, съ вѣнками и пѣніемъ встрѣчали и провожали скрывающееся свѣтило.

Рѣзкій свистокъ выводитъ меня изъ состоянія гипноза и мы pour la bonne bouche на китовомъ заводѣ. О, что за ужасная, отчаянная противоположность. Я никогда не бывалъ на полѣ сраженія, которое такъ отвратительно изобразилъ Верещагинъ на одной изъ своихъ многочисленныхъ, саженныхъ картинъ, не видѣлъ въ той обстановкѣ страшныхъ, мертвыхъ головъ съ безжизненными глазами, но думаю, что, по силѣ впечатлѣнія, получается нѣчто подобное. На водѣ плаваютъ, точно маленькія острова, туши ободранныхъ китовъ; лѣсенка, ведущая на пристань, покрыта такимъ слоемъ жира, что по ступенькамъ безопаснѣе взбираться (о, ужасъ!) при помощи всѣхъ четырехъ конечностей.

Съ пристани вьется къ заводу, представляющему собою скопленіе нѣсколькихъ деревянныхъ бараковъ, извилистая тропинка. Съ каждымъ шагомъ тошнотворный запахъ становится все непріятнѣе. Съ боку тропинки свалены пористые, желтые куски разрубленныхъ, китовыхъ костей. Далѣе, по скользкимъ, грязнымъ doскамъ мы вступаемъ въ баракъ, въ которомъ кипитъ въ цилиндрическихъ котлахъ китовая ворвань, которая по трубамъ стекаетъ въ особые резервуары. Кругомъ все, не исключая воздуха, жирно и до отвращенія противно. Одно незначительное обстоятельство привлекаетъ мое вниманіе: дамы совершенно хладнокровно переносятъ весь ужасъ, окружающей обстановки, и не безъ любопытства заглядываютъ въ грязные чаны съ черною, кипящею жидкостью.

Спѣшимъ покинуть баракъ, но и здѣсь, на свѣжемъ воздухѣ, насъ ожидаетъ не менѣе непріятное зрѣлище: огромная туша, ободраннаго и очищеннаго отъ жира, кита распластывается на части, долженствующія быть высушены и измельчены въ удобрительный порошокъ. Тутъ же цѣлую гору образуютъ куски свѣжаго, но только не по запаху, китоваго уса.

Пропитавшись запахомъ кита настолько, что я затѣмъ въ теченіе 2, 3 дней ощущалъ кита въ чаѣ и во всякой ѣдѣ, спѣшимъ на пароходъ, съ тѣмъ, чтобы, часа черезъ два, быть уже въ Гамерфестѣ. Свѣдѣнія, собранныя о китѣ и о китовомъ промыслѣ, сводятся къ

слѣдующему. Пока у береговъ Норвегіи и сѣвернѣе встрѣчаются четыре вида кита: 1) Голубой китъ (Balaenoptera Siboldii), изображенный на приложенномъ рисункѣ, наиболѣе массивный и прибыльный, достигаетъ 30 слишкомъ метровъ длины, но встрѣчается уже сравнительно рѣже другихъ. 2) Finnwal (Balaenoptera musculus)—не такъ массивенъ, какъ предыдущій, но длиненъ и бываетъ также 30 метровъ. Прежде промышленники этимъ китомъ пренебрегали, такъ какъ онъ недостаточно жиренъ, но теперь, вслѣдствіе количественнаго уменьшенія голубого кита, ему также спуска не даютъ. Остальные два кита (Megaptera boops и Balaenoptera borealis) уже значительно меньше: первый имѣетъ въ длину 13 — 20 метровъ, второй же не превосходитъ 17. Всѣ четыре вида принадлежатъ къ полосатымъ (или, вѣрнѣе, бороздчатымъ) китамъ, такъ какъ кожа ихъ на бокахъ снабжена складками, тогда какъ у гренландскаго она гладкая [1]).

Въ тѣлѣ кита все можетъ идти въ дѣло,—кожу, впрочемъ, утилизировать нельзя, такъ какъ она очень тонка и не прочна. Главной приманкою является слой подкожнаго жира, дающій различныхъ сортовъ ворвань. Что касается мяса, то у свѣже-убитаго кита оно достаточно вкусно, но очень скоро портится; оно идетъ на добываніе низшихъ сортовъ ворвани или, за одно съ костями, образуетъ собою гуано. Не маловажное значеніе имѣетъ и китовый усъ, который въ формѣ пилообразныхъ, но размочаленныхъ пластинокъ выполняетъ собою ротовую полость, спускаясь съ небной поверхности: эти усы служатъ фильтромъ, задерживающимъ всякую, плавающую въ океанѣ, живность и попадающую въ, постоянно, открытую пасть животнаго.

Доходъ, доставляемый китомъ, весьма значителенъ. Такъ, B. Siboldii оцѣнивается по доходности въ 5,000 фр., B. borealis—въ 4,000, а Megaptera и B. musculus—около 3,000 фр. Охота на кита, представляющая, по разсказамъ участвовавшихъ, одинъ изъ наиболѣе захватывающихъ и страстныхъ спортовъ, производится въ настоящее время далеко иначе, чѣмъ нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ. Прежде китъ гарпунировался рукою, причемъ охотники осторожно, насколько только возможно близко, подходили къ нему и, затѣмъ,

---

1) Другія породы китовъ (какъ, напримѣръ, Orca и Gladiator) обладаютъ зубами, которыми они впиваются нерѣдко въ тѣла своихъ болѣе крупныхъ родичей, вырывая изъ нихъ куски жира.

вонзивъ въ него привязанный къ канату гарпунъ, напрягали всѣ силы для того, чтобы избѣжать ужасныхъ ударовъ хвоста чудовища, которое, будучи смертельно ранено, со страшной быстротою ныряло въ морскую пучину, увлекая нерѣдко съ собою несчастныхъ охотниковъ; малѣйшее препятствіе въ разматываніи привязаннаго къ гарпуну каната было уже для нихъ гибелью. Въ тотъ моментъ, когда китъ снова показывался на поверхности, слѣдовалъ второй ударъ гарпуна и такъ далѣе, пока китъ безжизненною массою не всплывалъ на поверхность. Подобная охота, представляясь опасною и трудною по отношенію къ гренландскому киту, становится совсѣмъ невозможною съ бороздчатымъ китомъ, который отличается гораздо боль-

Рис. 10. Пушка Свендъ-Фойна.

шею подвижностью и дикостью. Въ 70-хъ годахъ предпріимчивый и смѣлый охотникъ, капитанъ Свендъ-Фойнъ, изобрѣлъ пушку, которая стрѣляя порохомъ, выбрасывала гарпунъ на значительное разстояніе и ранили кита, смертельно, первымъ же выстрѣломъ, если онъ только былъ искусно направленъ. Пушка помѣщается на носу небольшого, спеціально припоровленнаго для того судна. Въ 1867 году Свендъ-Фойнъ убилъ перваго кита; въ слѣдующемъ году добычею его были цѣлыхъ тридцать китовъ. Въ 1878 году Свендъ-Фойнъ положилъ ихъ болѣе сотни и, при стоимости кита въ 5,000 франковъ, реализировалъ огромный барышъ. Знаменитый китобой умеръ, оставивъ состояніе свыше десяти милліоновъ франковъ. Само собою, что орудіе,

изобрѣтенное Свендъ-Фойномъ, положило начало безжалостному истребленію китовъ, истребленію, которое заставляетъ насъ занести кита, въ особенности такіе виды его, какъ Balaena musculus и Balaenoptera Siboldii, въ списокъ, вымирающихъ животныхъ. Насколько кита стали яростно преслѣдовать, видно изъ слѣдующихъ данныхъ: въ 1885 году у береговъ Норвегіи убито было 1,400 китовъ, въ слѣдующемъ, впрочемъ, году только 932 кита. То ли обстоятельство, что китовъ стало меньше, то ли, что они стали пугливѣе и осторожнѣе, но число убитыхъ стало постепенно уменьшаться: такъ, въ 1887 году убито было не болѣе 763 штукъ, а въ 1890—581. Многія китоловныя общества, въ зависимости отъ этого обстоятельства, закрыли свои заводы и китоловному промыслу угрожалъ крахъ; какъ вдругъ положеніе вещей, совершенно неожиданно, улучшилось вслѣдствіе того, что въ 1892 г. было снова убито 1,081 штукъ китовъ, которые представили собою стоимость въ 1,600,000 франковъ.

Истребленіе китовъ вызвало много жалобъ со стороны населенія Лапландіи. Прежде у береговъ охота на сельдь и треску была гораздо прибыльнѣе, такъ какъ рыбы было гораздо больше; обстоятельство это промышленники ставили въ связи съ большимъ количествомъ, встрѣчавшихся у берега китовъ, которые, яко-бы, пригоняли рыбу къ берегу; въ настоящее же время рыба, не будучи загоняема китами, держится въ открытомъ морѣ. Норвежское правительство навело слѣдствіе, результаты котораго совсѣмъ не подтвердили утвержденіе промышленниковъ. Тѣмъ не менѣе, чтобы удовлетворить общественному мнѣнію, Стортингъ принялъ мѣры по отношенію къ китовой охотѣ. А именно: охота на китовъ и ихъ преслѣдованіе въ бухтахъ и фіордахъ, въ которыхъ встрѣчается треска и сельдь, разрѣшается лишь въ промежуткѣ съ 1-го января по 31 мая.

ГЛАВА IX.

Климатъ Шпицбергена; удивительныя его свойства. Флора; приспособленія къ переживанію. Палеонтологическія остатки. Фауна и ея бѣдность. Драгированіе. Пелагическій ловъ.

Личныя впечатлѣнія, а также, опубликованныя многими наблюдателями данныя, заставляютъ признать климатъ Шпицбергена здоровымъ, хотя, конечно, не умѣреннымъ, а скорѣе суровымъ. Температура въ теченіе двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ колеблется обыкновенно между 0° и +15°, хотя есть указанія на повышенія до слишкомъ +18° C. Само собою разумѣется, что количество тепла стоитъ въ довольно тѣсномъ отношеніи къ направленію вѣтра, хотя бываетъ, что и при сѣверномъ вѣтрѣ температура бываетъ +10° или около того. За мое десятидневное пребываніе на Шпицбергенѣ температура ни разу ниже +4° не понижалась и выше +12° не поднималась. Зимою, какъ уже сказано, температура колеблется въ предѣлахъ —10 —25°. Колебанія въ лѣтніе дни очень значительны: въ промежуткѣ одного или, много, двухъ часовъ мнѣ приходилось видѣть поднятіе съ +4° до +8. Мнѣ остается прибавить, что между ночною и дневною температурами разница была также значительна и выражалась въ предѣлахъ 4—8°.

Атмосферные осадки незначительны и воздухъ отличается необычайною прозрачностью, чѣмъ въ значительной степени и объясняется обманъ перспективы. Въ горахъ разстояніе очень обманываетъ, но, сравнительно съ сѣверомъ, это ничто: предметы, въ особенности такіе, размѣры которыхъ для наблюдателя неизвѣстны и которые отстоятъ часто на нѣсколько десятковъ верстъ, кажутся совсѣмъ близкими. Обстоятельство это вызываетъ ужасное чувство досады въ морѣ,

во время экскурсіи: до берега, кажется, рукою можно подать, а пока до него доберешься, проходятъ цѣлые часы. Послѣ нѣсколькихъ экскурсій мы, наконецъ, освоились съ разстояніемъ, отдѣлявшимъ насъ отъ берега: пока на прибрежныхъ скалахъ не становятся замѣтными оазисы зелени, до тѣхъ поръ разстояніе, навѣрно, свыше пяти верстъ. Дождь идетъ здѣсь, сравнительно, рѣдко и то не на-долго; присутствіе же водяныхъ паровъ выражается мокрымъ туманомъ, который, въ большинствѣ случаевъ, ограничивается прибрежною полосою и не бываетъ продолжителенъ. Ясная погода лѣтомъ, въ особенности въ горахъ, преобладаетъ. Изрѣдка падаетъ снѣгъ даже лѣтомъ; постоянные же снѣговые оазисы, въ формѣ пятенъ, встрѣчаются на высотѣ 200—250 метровъ.

Выше была отмѣчена необыкновенная сохранность предметовъ органическаго происхожденія, встрѣчающихся на сушѣ: кости не вывѣтриваются и не гніютъ, надписи на крестахъ и надгробныхъ плитахъ не стираются, доски гробовъ, не смотря на нѣсколько сотъ лѣтъ пребыванія частью въ землѣ, частью на воздухѣ—не превращаются въ труху, а сохраняютъ значительную резистентность; въ особенности же сказывается эта сохранность на растеніяхъ: наряду съ живыми, зелеными листьями встрѣчается тончайшая сѣтка листьевъ прежнихъ поколѣній, отмершихъ уже много лѣтъ тому назадъ. Ничего подобнаго въ другихъ мѣстахъ мнѣ замѣчать не приходилось. Не стоитъ ли это обстоятельство въ связи съ особенностями кислорода воздуха? Можетъ быть, онъ не превращается такъ быстро въ озонъ и не вызываетъ такого интенсивнаго горѣнія, какъ въ нашихъ и, того еще болѣе, южныхъ широтахъ? Если эти вопросы могутъ имѣть положительный отвѣтъ, то вліяніе воздуха на человѣческій организмъ должно на Шпицбергенѣ имѣть специфическій характеръ: вслѣдствіе ослабленнаго горѣнія организмъ не такъ скоро разрушается, обмѣнъ веществъ въ немъ происходитъ не такъ усиленно, какъ обыкновенно. Обращаясь къ конкретному примѣру, я полагаю, что заживленіе ранъ, требующее возсозданія утерянныхъ элементовъ, подъ вліяніемъ сѣвернаго воздуха не должно совершаться съ желаемою быстротою (заключеніе это провѣрено было мною опросомъ мѣстныхъ жителей); что же касается до результатовъ инфекціи, при которыхъ желательно замедлить горѣніе и ослабить образованіе токсиновъ, благопріятствующихъ инфекціонному началу, то климатъ Шпицбергена долженъ считаться наиболѣе благопріятнымъ. Въ дѣйствительности общій го-

лосъ сводится къ тому, что на Шпицбергенѣ не помнятъ какой либо заразной болѣзни. Высказанныя положенія стоятъ въ полной гармоніи съ установившимися въ послѣднее время въ медицинѣ взглядами на климатическія станціи. Врачи уже избѣгаютъ посылать инфекціонныхъ больныхъ (какъ, напр., туберкулезныхъ) въ южный климатъ, гдѣ, несомнѣнно, окисленіе слишкомъ сильно, а потому больной организмъ сгораетъ часто необыкновенно быстро; для такихъ больныхъ предпочтительнѣе оказывается горный, болѣе разрѣженный воздухъ, подходящій скорѣе къ воздуху сѣверныхъ, полярныхъ странъ. Южныя же климатическія станціи рекомендуются больнымъ съ ослабленнымъ питаніемъ, лимфатическимъ субъектамъ, у которыхъ организмъ нужно монтировать, усиливъ питаніе и, въ связи съ этимъ обстоятельствомъ стоящій, обмѣнъ веществъ. Кто знаетъ: можетъ быть, продолжительное отсутствіе свѣта на Шпицбергенѣ стоитъ въ связи съ ослабленнымъ въ природѣ горѣніемъ и является благопріятнымъ, до нѣкоторой степени, въ смыслѣ отсутствія инфекціонныхъ началъ.

Вліяніе своеобразнаго воздуха на Шпицбергенѣ сказывается очень субъективно, а именно: дышется легко, физическая работа менѣе утомляетъ, чувствуешь какой-то удивительный притокъ силъ, который даетъ возможность утилизировать значительную часть ночи и сводить сонъ до minimum'а. Въ связи съ этимъ обстоятельствомъ слѣдуетъ отмѣтить и отсутствіе той нервной возбудимости, которая такъ извѣстна южному жителю, возбудимости, которая стоитъ въ несомнѣнной связи съ электрическою напряженностью атмосферы. Раздражительность, нервность, несоотвѣтствіе между отзывчивостью организма и внѣшнимъ воздѣйствіемъ на него—суть явленія, не имѣющія мѣста на Шпицбергенѣ. Въ виду сказаннаго Шпицбергенъ могъ бы быть прекраснымъ курортомъ, если бы не отвратительное море и не тяжелый переѣздъ, могущій отнять остатокъ силъ у больного, рискнувшаго предпринять эту поѣздку. Попытка Vesteraalen C° устроить отель и возить на Шпицбергенъ туристовъ едва ли, по результатамъ, оказалась удачною, такъ какъ болѣе 10 человѣкъ въ Турпстенхюте, одновременно, не бывало, а потому директоръ этой компаніи говорилъ мнѣ, что хочетъ послѣдовать примѣру капитана Бада, т. е. возить скучающую публику не въ одинъ пунктъ, какъ, напр., Advent-bay, а въ разные пункты Шпицбергена, какъ на Бель-зундъ, нѣкоторые

бухты Ейсфіорда, къ Датскимъ островамъ, Амстердаму и, наконецъ, къ вѣчному льду, который является конечною цѣлью экскурсій [1]).

Въ виду сказаннаго, Шпицбергенъ, къ счастью, сохранитъ до нѣкоторой степени свою чистоту и неприкосновенность и не будетъ, на подобіе континента, загрязненъ человѣкомъ.

Въ ботаническомъ отношеніи Шпицбергенъ достаточно хорошо изслѣдованъ. Первыми болѣе или менѣе полными указаніями мы обязаны Мальмгрену, который, основываясь на показаніяхъ и наблюденіяхъ шведскихъ экспедицій 1858 и 61 года, установилъ 23 вида явнобрачныхъ растеній, затѣмъ Fries въ составленный имъ списокъ шпицбергенскихъ растеній внесъ уже, на основаніи сдѣланныхъ Виландеромъ и Надхорстомъ наблюденій, цѣлыхъ 113 видовъ; число это въ настоящее время увеличено до 123. Такое значительное количество явнобрачныхъ формъ даетъ право утверждать, что въ арктической области не найдется другого материка, лежащаго подъ тою же широтою, на которомъ было бы обнаружено присутствіе такой богатой флоры. Злаки занимаютъ въ этой флорѣ преимущественное мѣсто; между двусѣмянодольными особеннымъ богатствомъ отличаются: Caryophyllaceae, Saxifragaceae, Cruciferae, Ranunculaceae и Rosacae.

Отличительною особенностью арктической флоры является то обстоятельство, что растительность лишена древеснаго характера, что стоитъ, конечно, въ зависимости отъ недостаточнаго лѣтняго тепла. Древесныя растенія, кромѣ того, если и встрѣчаются, то представляются низкорослыми, стелящимися по землѣ. Флора Шпицбергена имѣетъ, однако, цѣлыхъ 7 древесныхъ породъ, изъ которыхъ три принадлежатъ къ такъ-называемому вересковому типу (Empetrum nigrum, Cassiope tetragon и C. hypnoides) и характеризуются древесными побѣгами съ иглообразными листьями. Двѣ другія породы—суть полярныя ивы (Salix reticulata и S. polaris), которыя отличаются присутствіемъ подземныхъ вѣтвей, отъ которыхъ ежегодно поднимаются новые побѣги съ маленькими листочками. Только карликовая березка (Betula nana) и Dryas octopetala отличаются нѣсколько болѣе широкою листвою.

---

[1]) Правда, что и теперь туристы, высадившіеся въ Туристенхюте, не обречены на бездѣйствіе и могутъ нанимать небольшой пароходъ—„Экспрессъ", стоящій въ бухтѣ Advent-bay, но такія экскурсіи стоятъ дорого, такъ какъ наемъ судна обходится въ 120 кронъ (65 руб.) въ день, не считая содержанія.

Климатическія особенности Шпицбергена сказываются, между прочимъ, въ томъ, что почти нѣтъ однолѣтнихъ растеній (та же особенность, какъ извѣстно, характеризуетъ собою альпійскую флору высокихъ областей); такъ какъ растенія однолѣтнія, требующія ежегоднаго созрѣванія сѣмянъ, не могли бы, ни въ какомъ случаѣ, играть большой роли среди мѣстныхъ формъ и должны бы были, въ неблагопріятныя для созрѣванія годы, неминуемымъ образомъ исчезнуть.

Короткое лѣто и недостаточность хумуса въ почвѣ обусловили собою тотъ общій характеръ растительности, который сказывается въ ограниченномъ развитіи побѣговъ и въ ихъ стремленіи образовать стелящійся по землѣ растительный покровъ; вмѣстѣ съ тѣмъ является значительная наклонность къ живородности злаковъ. Та же недостаточность побѣговъ обусловливаетъ собою уже помянутую особенность: цвѣты достигаютъ значительнаго развитія и очень бросаются въ глаза—лугъ пестритъ яркими красками. Вармингъ указалъ на то обстоятельство, что арктическія растенія имѣютъ, въ силу особенностей опыленія, а также распредѣленія половъ, гораздо большую наклонность къ самооплодотворенію, чѣмъ у насъ.

На ряду съ помянутымъ явленіемъ мы встрѣчаемъ, однако, существованіе такихъ растеній (Saxifraga, Caryophyllaceae), которыя у насъ, въ Европѣ, оплодотворяются при помощи насѣкомыхъ. Количество послѣднихъ на Шпицбергенѣ очень не велико, и на ихъ участіе растеніе не всегда можетъ положиться, а потому такія формы проявляютъ рѣзко выраженную наклонность размножаться при помощи или просто узелковъ, или узелковъ, расположенныхъ на корневидныхъ побѣгахъ (лучшій примѣръ представляетъ собою Saxifraga flagellaris).

Далѣе, вслѣдствіе холоднаго и короткаго лѣта, явленія разложенія и окисленія очень замедлены, а потому отмершія растенія удивительно долго сохраняются въ неизмѣненномъ видѣ, что придаетъ всей растительности нѣсколько унылый и сумрачный видъ; мхи имѣютъ болѣе желтовато-зеленый видъ и наряду съ зелеными злаками встрѣчаются растительные остатки прежнихъ лѣтъ.

Многими изслѣдователями было уже указано и, между прочимъ, многочисленными примѣрами подтверждено Кильманомъ [1]), что арктическій климатъ отличается континентальнымъ характеромъ и что

---

[1]) Kihlman. Pflanzenbiolog, Studien auf Russisch. Lapland. Helsingfors, 1890.

опасность высыханія въ арктическомъ климатѣ даже для растеній, произрастающихъ на влажной почвѣ, очень значительна. Пониженіе температуры почвы замедляетъ дѣятельность корней, тогда какъ вѣтеръ вызываетъ усиленную транспирацію. Такъ, можетъ легко случиться, что весною, вслѣдствіе неожиданно выпавшаго снѣга, температура почвы значительно понизится и уменьшитъ поступленіе къ корнямъ влаги, что, въ свою очередь, вызоветъ высыханіе. Съ этой точки зрѣнія только и объясняются тѣ приспособленія къ сухому воздуху, которыя встрѣчаются въ арктическихъ растеніяхъ и которыя, на первый взглядъ, кажутся странными и мало понятными. Большинство представителей шпицбергенской флоры характеризуется маленькими, жесткими, кожистыми листьями, у которыхъ кутикула очень развита, а устьица представляются значительно углубленными. Затѣмъ встрѣчаются растенія съ восковымъ покровомъ (Mertensia, Salix reticulata) и очень часто—волосяной покровъ на листьяхъ. Все это приспособленія, имѣющія цѣлью помѣшать транспираціи и этимъ уменьшить, насколько только возможно, опасность высыханія. Въ этомъ отношеніи шпицбергенская флора получаетъ не только *степной* характеръ, но и прямо таки пустынный, напоминая собою, по словамъ Варминга, растенія египетско-либійской низменности.

Относительно распредѣленія растеній на Шпицбергенѣ несомнѣнно одно, что наибольшее разнообразіе ихъ въ связи съ наибольшимъ ихъ индивидуальнымъ развитіемъ замѣчаются въ извѣстномъ разстояніи отъ штранда, въ глубинѣ фіордовъ. Обстоятельство это объясняется чрезмѣрнымъ скопленіемъ водяныхъ осадковъ въ формѣ тумана и дождя у берега, осадковъ, которые мѣшаютъ непосредственному воздѣйствію солнечныхъ лучей на растительный покровъ. Среди островов, или даже просто на извѣстной высотѣ въ прибрежныхъ скалахъ солнце безпрепятственно въ теченіе цѣлаго лѣта свѣтитъ и грѣетъ, чего не бываетъ на берегу морскомъ. Этимъ обстоятельствомъ, по всей вѣроятности, объясняется большое богатство по флорѣ Шпицбергена сравнительно съ соотвѣтствующими въ климатическомъ отношеніи мѣстами въ Альпахъ.

Что касается до той высоты, до которой флора въ горахъ Шпицбергена распространяется, то тутъ трудно дать опредѣленныя указанія, такъ какъ многое зависитъ отъ экспозиціи, которая вліяетъ больше, чѣмъ высота мѣста. Во всякомъ случаѣ Хейглинъ встрѣчалъ пасущихся сѣверныхъ оленей на высотѣ 700 метровъ; по этому

поводу Натхорстъ утверждаетъ, что въ горахъ, не смотря на то, что снѣгъ представлялся стаявшимъ, и что тѣ или другіе пункты представлялись бы удобными для растительности, явнобрачныя выше 900 метровъ уже не наблюдались; если и встрѣчались, то только одни лишайники. Выше всего попадались: Papaver nudicaule, Saxifraga oppositifolia, S. revularis и Catabrosa algida.

Мальмгренъ думалъ, что сѣверный берегъ Шпицбергена характеризуется иною флорою—болѣе подходящей къ гренландской, но это мнѣніе было опровергнуто и экспедиція 1868 года показала, что западный берегъ, отличаясь сходною флорою съ сѣвернымъ, имѣетъ болѣе богатую флору, что выражается присутствіемъ 30-ти лишнихъ видовъ; впрочемъ, и тутъ болѣе вліянія оказываетъ глубина фіордовъ и лѣтомъ флора самаго сѣвернаго фіорда (Wijdebay) представляется болѣе богатою, чѣмъ прибрежная на западномъ берегу. Если теперешняя флора Шпицбергена обнаруживаетъ арктическій характеръ, то нельзя сказать того же про палеонтологическіе остатки, встрѣчаемые въ значительномъ количествѣ во внутреннихъ частяхъ острова и долженствующіе быть отнесенными къ третичной эпохѣ. Здѣсь, на пространствѣ между $77^1/_2$ и $78^2/_3$ сѣверной широты, обнаружено присутствіе 179 видовъ растеній (теперь, какъ уже сказано, встрѣчается только 123 вида) и между ними все представители умѣренной полосы. Въ отпечаткахъ сохранились различные виды кипарисовъ, сосенъ, тисовъ; затѣмъ, изъ лиственныхъ—остатки вязовъ, грецкихъ орѣховъ, липъ, платановъ, кленовъ, между которыми нами найденъ былъ одинъ видъ (acer arcticum) съ плодами. Эта флора отвѣчаетъ средней годичной температурѣ въ $+9^0$ C. Извѣстно, что въ настоящее время средняя, годичная температура Шпицбергена у 78^0 с. ш. равняется $-8,6^0$ C., слѣдовательно разница съ прежнею получается въ цѣлыхъ $17^1/_2{}^0$. Кто знаетъ, въ чемъ искать причину такихъ рѣзкихъ измѣненій? Возможно, и даже всего вѣроятнѣе, предполагать измѣненіе въ положеніи земной оси, или, иначе, перемѣщеніе полюсовъ.

Что касается до фауны, то здѣсь можетъ быть представленъ только самый общій очеркъ, такъ какъ собранныя коллекціи только теперь изъучаются. Какъ извѣстно, изъ числа 16-ти видовъ млекопитающихъ, встрѣчающихся въ районѣ Шпицбергена, только четыре принадлежатъ сушѣ (бѣлый медвѣдь, сѣверный олень, голубая лисица и полевая мышь), остальные же двѣнадцать, въ составъ которыхъ входятъ, главнымъ образомъ, разныя породы тюленей, являются оби-

тателями океана. Что касается этого отдѣла мѣстной фауны, то изученіе ея едва ли могло бы дать что либо новое, охотничьи же приключенія не входили въ нашу программу. То же могъ бы я сказать и о птицахъ, если бы обиліе послѣднихъ не поражало и не приковывало къ себѣ вниманіе всякаго посѣтителя Шпицбергена. Ничего подобнаго не замѣчается ни въ нашихъ широтахъ, ни на югѣ Европы. Чайки въ Средиземномъ морѣ появляются только съ наступленіемъ дурной погоды и ихъ присутствіе наводитъ уныніе на зоолога, здѣсь замѣчается совсѣмъ иное: надъ поверхностью моря птицъ всегда множество—онѣ летаютъ во всѣхъ направленіяхъ, обгоняютъ другъ друга и, постоянно, то поднимаются, то садятся на воду. Впрочемъ, стаями онѣ держатся рѣдко, а обыкновенно парами. Въ глазахъ, буквально, рябитъ отъ множества пернатыхъ, точно въ садкѣ зоологическаго сада. Относительно оперенія замѣчается исключительное преобладаніе траурныхъ цвѣтовъ, т. е. чернаго и бѣлаго, со всѣми промежуточными оттѣнками: свѣтло- и темно-сѣраго и пестраго (общій фонъ свѣтлый—съ черными пятнами, или общій фонъ черный—со свѣтлыми пятнами). Къ сушѣ пріурочено гораздо меньше птицъ или, вѣрнѣе, онѣ скучены въ опредѣленныхъ мѣстахъ, на прибрежныхъ скалахъ, гдѣ онѣ, въ большинствѣ случаевъ, строятъ себѣ норы и гнѣзда и выводятъ дѣтенышей. Такія птичьи становища еще издали даютъ о себѣ знать, по дикимъ и пронзительнымъ звукамъ, которые „стономъ стоятъ" въ воздухѣ. То впечатлѣніе, которое производятъ такія скалы, усаженныя длинными, параллельными рядами разнообразныхъ птицъ, очень вѣрно передано Брэмомъ. Изъ видѣнныхъ нами птицъ приходится упомянуть о нижеслѣдующихъ: гагара полосатая (Colymtus arcticus), тупикъ (Fratercula arctica), гагарка (Uria brünnichi), гагарка малая (Uria alle); далѣе—глупышъ (Fulmarus glacialis), поморникъ (Lestris parasitica) и затѣмъ самыя разнородныя чайки: бѣлая, трехпалая, большая полярная (бургомистръ) и многія другія. Кромѣ того, множество всевозможныхъ утокъ и гусей.

Видя все эти прожорливое и шумное населеніе, невольно спрашиваешь себя: чѣмъ все это питается и какая невыразимая масса питательнаго матеріала въ состояніи насытить эти голодные и алчные рты? Рыба не можетъ быть преимущественною пищею пернатыхъ, такъ какъ воды сѣвернѣе континента совсѣмъ не такъ богаты рыбою. Отвѣтить на этотъ вопросъ не представляетъ значительнаго труда, ибо достаточно только вскрыть любую, убитую птицу для того, что-

бы получить разрѣшеніе этой загадки. Въ большинствѣ случаевъ желудокъ всѣхъ этихъ разнородныхъ птицъ туго набитъ небольшими рачками (Amphipoda), которыми сѣверныя воды очень богаты и которые во множествѣ кишатъ вдоль берега, по линіи прибоя.

Что касается до наземной фауны, то, остановившись прежде всего на насѣкомыхъ, отмѣчу тотъ фактъ, что знакомство съ ними должно быть отнесено ко второй половинѣ іюня, когда имѣетъ мѣсто усиленное цвѣтеніе, во второй же половинѣ іюля, точно также, какъ и въ августѣ, кромѣ мелкихъ двухкрылыхъ, да личинки жука (вѣроятно, изъ Carabid'ъ) намъ ничего найти не удалось. Очень богата фауна Tysanur'а, изъ которыхъ А. М. Щербаковъ насчиталъ въ общемъ 10 видовъ, изъ коихъ вообще новыхъ оказалось 1 и новыхъ для Шпицбергена 5.

Прѣсноводная фауна, встрѣчающаяся въ болотной водѣ, оказалась очень разнообразною, но вся состояла изъ очень мелкихъ представителей. Мною много найдено было Copepod'ъ, Дафній, Ostracod'ъ, много коловратокъ, но все это, повидимому, европейскія формы.

Что касается до морской фауны, то изслѣдованія производились при помощи мюллеровской сѣтки, или драгированіемъ, или еще однимъ, гораздо болѣе примитивнымъ, способомъ, а именно: гуляя вдоль линіи прибоя, можно было тутъ же стаканомъ собирать рѣшительно всѣ пелагическія формы. Плоскій, постепенно понижавшійся берегъ особенно благопріятствовалъ такому лову, который всего удобнѣе было производить во время прилива [1]). Добыча, получаемая такимъ путемъ, была и довольно богата, и весьма разнообразна. Къ сожалѣнію, нельзя того же сказать о драгированіи, которое было и не разнообразно, и не интересно. Приблизительно: глубже ста метровъ дно представлялось чрезвычайно илистымъ; илъ отличался крайнею тягучестью и вымывать изъ него разную мелочь, которой къ тому же было мало, представлялось большимъ и очень непріятнымъ трудомъ. Столь непріятное свойство ила дѣлаетъ питаніе и дыханіе въ немъ особенно затруднительнымъ, а потому и мѣшаетъ развитію въ немъ живыхъ существъ, или является кладбищемъ для этихъ послѣднихъ. Получается илъ, по мнѣнію князя Монакскаго, какъ результатъ осѣ-

[1]) У береговъ Шпицбергена приливъ и отливъ совершаются два раза въ сутки и равняются, приблизительно, одному метру, что, при плоскомъ берегѣ, представляетъ довольно значительную разницу.

данія накопившейся на плавающихъ льдинахъ грязи и атмосферной пыли послѣ таянія послѣднихъ. Ближе къ берегу дно состоитъ изъ гладкихъ голышей, которые также неблагопріятны для прикрѣпленія къ нимъ тѣхъ или другихъ животныхъ Но, во всякомъ случаѣ, драгированіе показало, что на незначительныхъ глубинахъ скорѣе можно найти донную фауну, чѣмъ на значительныхъ. Произведенное принцемъ Монакскимъ драгированіе поблизости Медвѣжьяго Острова, на глубинѣ до 1,500 метровъ, не дало никакихъ результатовъ. Всего болѣе можно было встрѣтить ежей, голотурій, очень большихъ Crinoid'ей (Antedon?) и разныхъ мелкихъ кольчатыхъ. Формы безусловно отсутствовавшія были губки, которыя требуютъ, очевидно, болѣе высокой температуры. До полярнаго круга (у береговъ Норвегіи) губокъ изобиліе, а затѣмъ ихъ становится все меньше и меньше и уже въ Шпицбергенѣ губокъ нѣтъ совсѣмъ. Обстоятельство это, подмѣченное и принцемъ Монакскимъ, должно быть поставлено въ зависимость съ низкою температурою полярныхъ водъ. Плавающихъ Coelenterata въ формѣ различныхъ медузъ, не только достаточно, но и много [1]). Намъ попадались: Codonium princeps (Haec.), Sarsia brachygaster (Grön.), Catablema campanula (Haec.), Aglantha arctica (Mul.), Solmundus glacialis (Grön.). Изъ медузъ acraspeda встрѣчался часто еще неопредѣленный видъ Cyani'и.

Изъ ракообразныхъ, какъ уже сказано, всего больше и всего чаще замѣчались Amphipoda, которыя во множествѣ охотились на разную низшую тварь, прибиваемую къ берегу океаномъ; здѣсь они буквально кишѣли; изъ числа послѣднихъ не трудно было отмѣтить слѣдующія формы: Stegocephalus, Atylus carenatus, Amatica homari, Paramphithoe и др. Кромѣ того, попадалась довольно странный, по виду, Crangon, Idothea и, какъ будто, два вида Caprella. Особенно крупныхъ ракообразныхъ не попадалось и очень замѣтно было отсутствіе краббовъ, которые своими проворными движеніями, обыкновенно, такъ оживляютъ прибрежную полосу. Pagurus'овъ, неуклюже тащившихъ свою скорлупу, было, однако, достаточно.

Между кольчатыми особенно крупныхъ формъ не находилось; большая часть ихъ относилась къ такъ называемымъ Tubicola, сво-

---

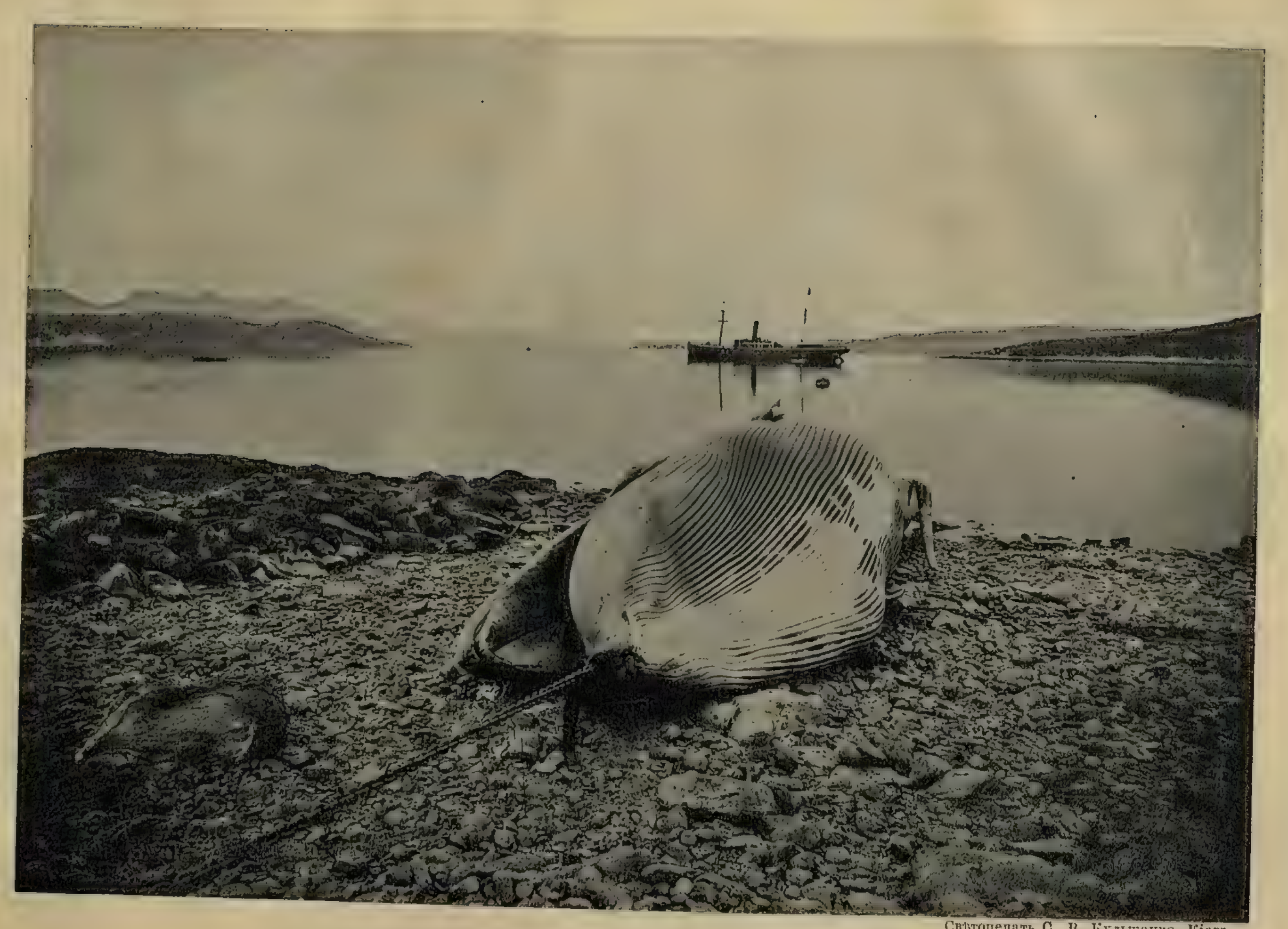
[1]) См. описаніе Грёнберга (Die Hydroiden des arctischen Gebiets-Zoologische Jahrbücher. Bd. XI Heft.), который принималъ, въ качествѣ зоолога, участіе въ экспедиціи Андрэ.

бодно плавающихъ было мало и они ограничивались одними Heteronereis.

По отношенію къ каждому типу прежде всего приходилось отмѣчать отсутствіе тѣхъ или другихъ представителей; такъ въ классѣ молюсковъ поражалъ отсутствіе головоногихъ. У береговъ Норвегіи ихъ попадается достаточно и между ними такая чудовищная форма, какъ Architeuthis, которыхъ однѣ руки (каждая въ отдѣльности) достигаютъ до полутора метра (въ музеѣ Тромзе) и, будучи покрыты стебельчатыми вантузами, производятъ по истинѣ отвратительное впечатлѣніе. Брюхоногихъ, мелкихъ молюсковъ не мало. При тихомъ морѣ во множествѣ встрѣчались намъ Limacina arctica, которая рѣзко выдѣлялась своими черными крылышками и достигала значительной величины (7—8 м.м.). Нѣсколько рѣже попадалась Clio borealis.

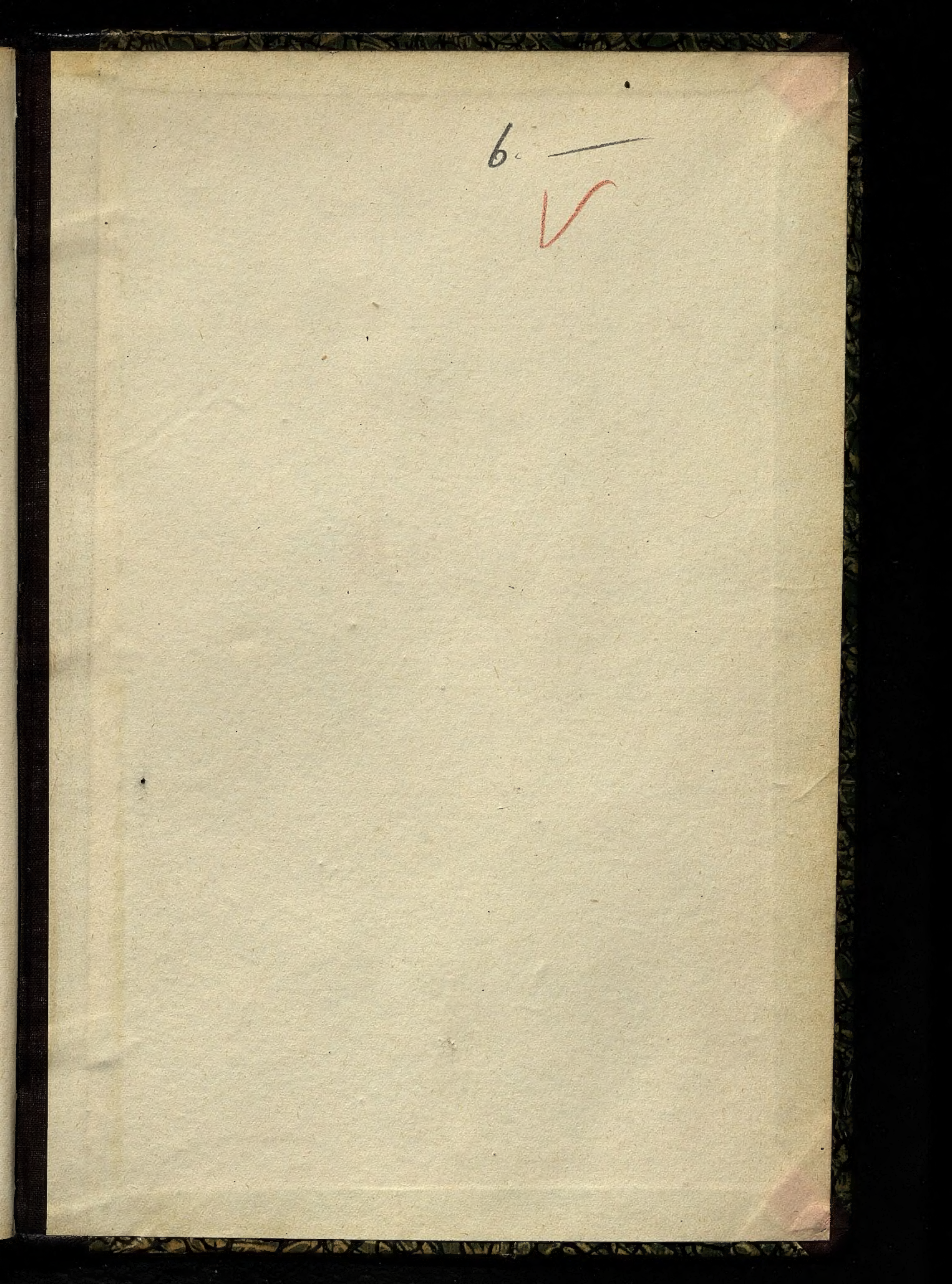
Еще подходя къ Шпицбергену я замѣтилъ въ морѣ, плавающими въ значительномъ числѣ, какія-то студенистыя тѣла безъ щупалецъ, величиною и формою въ дѣтскій кулакъ, при чемъ мнѣ было очень досадно то, что я никакъ не могъ опредѣлить принадлежность ихъ къ той или другой группѣ. Только высадившись на берегъ, и гуляя вдоль прибоя, я могъ замѣтить, что въ каждомъ такомъ образованіи бьется какое-то оранжевое, съ широкимъ хвостикомъ, тѣльце. Велико же было мое изумленіе, когда это оказалась Appendicularia съ домикомъ. Сама Appendicularia достигала величины слишкомъ въ 30 mm., при ширинѣ хвоста въ два mm. Головка Appendicularia окрашена въ свѣтло-оранжевый, а лентобразный хвостикъ окаймленъ ярко-оранжевою полоскою. По опредѣленіи, описанная Appendicularі'я оказалась Oecopleura Vanhoffeni.

Въ общемъ нужно сказать, что фауна Шпицбергена не богата, при чемъ замѣчается полное отсутствіе нѣкоторыхъ классовъ. И изъ трехъ фаунъ: донной, береговой и пелагической наибольшимъ разнообразіемъ и изобиліемъ отличается пелагическая. Донная не встрѣчаетъ благопріятныхъ условій для своего развитія: илъ глубокаго дна слишкомъ вязокъ, голыши, которые образуютъ сравнительно широкую, ближе къ берегу расположенную, полосу, находясь въ постоянномъ движеніи, препятствуютъ прикрѣпленію. Наконецъ, береговая фауна отсутствуетъ въ зависимости отъ льдовъ, которые мѣшаютъ ея появленію.

Свѣтопечать С. В. Кульженко. Кіевъ.

Balaenoptera Siboldii.

6

